

В плену у чувств, или Заложники Парижа

Эльвира Иванцова

Эльвира Иванцова

В плену у чувств, или Заложники Парижа

<https://litres.ru/50135798>

SelfPub; 2026

Аннотация

Один неверный шаг может навсегда изменить жизнь. Но как узнать заранее, что он неверный? И как не превратить всего один такой шаг в жизненный путь, усеянный ошибками?

Перед нами — Париж 60-х годов XX века, влюбленная пара. Филипп и Камила молоды и успешны. Они берут от жизни все, культивируя свои желания, и даже не подозревают, что стали заложниками потребительского общества.

Чем обернутся для них принятые по молодости решения? Сможет ли сила любви противиться всем этим препятствиям и невзгодам?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	33
Глава 7	45
Глава 8	53
Глава 9	58
Глава 10	66
Глава 11	79
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Эльвира Иванцова

В плену у чувств, или

Заложники Парижа

Пролог

Если бы вы спросили меня, в самом расцвете 60-х, где в Париже лучше выпить бокал хорошего вина или встретить Сартра и де Бовуара, то я бы ответил вам не раздумывая. Так же с легкостью я бы вам подсказал, где купить редкие книги и посмотреть фильмы Годара. Уже тогда я точно знал, что качественный джаз – большая редкость, и для себя решил, что маленькие экспериментальные театры ничуть не хуже национальных, в которых показывают лишь классику.

Почти каждую неделю меня можно было встретить на Левом берегу Сены в Латинском квартале или на Сен-Жермен-де-Пре, ведь именно там сосредоточилась вся богемная жизнь города. Я уже давно перестал удивляться тому, что двери кабаре могут вплотную граничить с булочной. Я был всегда в лучшем месте: в лучших барах и ресторанах. Кроме того, меня нередко приглашали в престижные клубы и на частные вечеринки. Я знал в лицо многих известных и талантливых лю-

дей.

Свобода... Как много значит это величественное слово. Мне стало понятно его значение во всей степени полноты. Каждая клеточка моего организма была заполнена волею выбора. Голова шла кругом от возможностей в новом мире. Предпочтение независимого образа жизни, словно озарялось особенным божественным светом. Немыслимым было и сопутствие удачи, сопровождающей меня везде и во всем.

Как я стал тем, кем стал, вы узнаете, если прочтете мой рассказ до конца. Эта история об удивительном времени, о любви и дружбе, а также о лучших людях, которых мне посчастливилось встретить.

Глава 1

В середине 60-х меня отправили во Францию, в командировку на повышение квалификации, где я должен был провести полгода. Но впоследствии решил окончательно туда перебраться, искренне веря, что мечты должны сбываться.

Первые два месяца я провел на берегах Сен-Мало в качестве стажера у одного малоприятного финансиста и с нетерпением ждал, когда меня переведут в парижскую контору, занимающуюся налаживанием связей по всей Европе.

Регулярно, раз в неделю, я посылал письма в Лондон, адресованные моей невесте Камиле. Она искренне верила в процветание Европы и в то, что я небесными силами улучшу благосостояние нашей молодой семьи. Камила, как современная девушка, считала, что мой успех в большей степени зависит от нее. А точнее – от ее отца, ведь именно он помог мне обустроиться во Франции и наладить связи со всевозможными буржуа.

Порой мне было горестно осознавать, что своим успешным стартом я полностью обязан именно ее семье. Но в моих планах было возместить все, когда мы поженимся. Я каждый день благодарил судьбу за то, что она подарила мне этих прагматичных людей.

С Камиллой я познакомился тогда, когда она была еще студенткой. Хотя я и был старше на три года, но это никак не

мешало нам отлично понимать друг друга. Камила ни разу не упрекнула меня в моем образе жизни и тем более никогда не давала понять, что я чем-то хуже. Порой мне, напротив, казалось, что она гораздо мудрее и опытней меня во многих вопросах. Возможно, этому поспособствовало ее консервативное воспитание. Но мне было ее не в чем уличить, как и ей меня.

Уже через месяц после знакомства я потерял голову, и мне казалось, что мы идеально подходим друг другу. Молодые, красивые, успешные, мы были одержимы блестящим будущим, к которому одинаково стремились вместе. Мы были серьезны в своих намерениях. И если прежде я не мог и мечтать о таком, то со временем обрел полную уверенность в завтрашнем дне.

– Я буду скучать по тебе, – сказала она шепотом, не скрывая горечи расставания, когда мы прощались. – Не забывай обо мне ни на секундочку. Слышишь? Я буду приходить к тебе с рассветом каждый день и согревать твое милое лицо и душу солнечными лучами. Ты должен так думать. По крайней мере, так я буду уверена, что ты будешь вспоминать обо мне. А когда ветер нежно подует тебе в спину, ты закрой глаза и представь, будто это я тебя обнимаю. Представь! – уже не шепотом, а крича, отрывисто произносила она каждое слово. – Только представь, как это романтично.

Эти слова въелись в мою память до того, что иногда мне казалось, будто Камила преследует меня повсюду. Но я был

уверен, что люблю ее, и преданно представлял ее образ с каждым рассветом. Я вспоминал ее всегда, где бы ни находился. Иногда это доходило до сумасшествия. И именно это нравилось мне больше всего. Сама мысль о ней заставляла меня жить. Каждое ее слово отпечаталось в моем мозгу, воспаленном от желания быть с ней. Она мастерски умела говорить о любви.

Разлуку с Камиллой я переживал менее болезненно, чем она. Она мечтала поскорее перебраться во Францию и совместно накопить капитал, чтобы лет через десять купить домик где-нибудь на побережье Марселя. Ее всегда манило ласковое Средиземное море, словно это место сбывшейся мечты.

«Мы будем вместе путешествовать по миру до последнего фунта», – сказала она, когда мы в очередной раз разговаривали по телефону.

Я часто твердил ей, что надо быть рассудительной, но она и слушать меня не хотела, отвергая любые соображения по поводу лишнего сэкономленного centa. Камила привыкла к роскоши с детства, но не к такой роскоши, которую принято считать чем-то должным. Она предпочитала богатство как материальное, так и духовное.

Отец ее, Джон, был по натуре мужчиной не слишком суровым, я бы даже сказал предсказуемым и слегка чопорным. Он снисходительно относился ко мне, наблюдая во мне стремительный потенциал. Что касается матери, то она оставила

Камилу, когда та была еще подростком, и переехала жить в Австралию. С тех пор женщина только изредка звонила, чтобы напомнить о себе. Джон так и не решился жениться, тем самым лишив дочь материнского воспитания. У него, конечно, были романы с разными женщинами, но все они не заканчивались ничем серьезным.

Мужчина много работал и успешно проворачивал операции с ценными бумагами. Когда я впервые познакомился с ним, то понял, что никогда бы не хотел быть таким же, как он. Джон хоть и имел особый вес в обществе, но в жизненных вопросах слишком бестактно вел себя с остальными и, как типичный консерватор, яро верил в свои убеждения. Он не был снобом, но был очень близок к образу жизни таких людей, которые готовы глотку перегрызть из-за денег. Его туманное прошлое еще больше отягощало мое впечатление о нем. Мне никогда не был понятен тот факт, как импульсивная Камила могла быть дочерью такого человека. Они были полными противоположностями.

Общение Камилы с моими родителями проходило сравнительно благополучно, главным образом из-за редкости встреч. Мой отец вел себя с ней очень галантно, а мать всегда была услужлива. Им хотелось ее баловать, и Камила принимала такое отношение как должное. Она не выказывала ни особой радости, ни благодарности. Поначалу мне тоже казалось вполне естественным, что мои родители окружают ее излишним вниманием и заботой. Иное их поведение меня

бы обидело. Однако в дальнейшем моя позиция в этом вопросе несколько изменилась.

Что касается моей матери Хлои, то она родила меня рано, когда еще совсем не была готова к созданию семьи. А вот моему отцу Джеффри, который на порядок старше ее, параллельно с моим воспитанием приходилось заниматься еще и воспитанием жены. Два моих младших брата, Том и Луиджи, были больше похожи на мать, в то время как я – на отца, что доставляло ему особое удовольствие.

Братья получили образование в Оксфорде на юридическом факультете. Я же из-за личных убеждений выбрал специальность в экономике. К этому меня побудил чрезмерный интерес к основам политики в старших классах. Мой преподаватель Джонатан разглядел во мне особые способности и помог поступить в Кембридж, за что я ему впоследствии был очень благодарен.

С тех пор прошло много времени. Мой опыт возрос в несколько раз. Я мог бы стать ведущим специалистом в любой фирме, но меня манили более глобальные исследовательские задачи. Особенно по вкусу такие амбиции приходились Камиле, которая то и дело с нетерпением предвкушала мой карьерный рост.

Я знал цену не только себе, но и всем благам жизни – как духовным, так и материальным. И в дальнейшем должен был суметь обеспечить не только себя, но и свою будущую семью. И этот труд казался мне непосильным. Мы с Камиллой были

очень похожи. У нас была четкая жизненная позиция, которая заставляла нас расти и делать все вместе.

Единственным различием был наш круг общения. Ее подруги казались мне взбалмошными и избалованными. Иногда я даже боялся их влияния на Камилу, так как она на их фоне выглядела гораздо умнее и знала толк во многих вещах. Но особенно глупой казалась Элизабет, чьи нравы не давали мне покоя с самого нашего знакомства. Она могла бы довести до бешенства любого, даже самого уравновешенного и целомудренного человека.

Мои же друзья были, напротив, очень сдержанными, истинными англичанами. Бесспорно, порой они казались слегка эгоистичными, но меня это нисколько не смущало. Я порядком отличался от них, но это, наверное, из-за моего дальнего родства с испанцами. В душе я скорее южанин, но до мозга костей британец с романтической натурой. Мы с Камиллой не пытались знакомить наших друзей, так как понимали, что это бесполезно. А когда те пересекались в пабе или ресторане, то доказывали нам, что наше решение верно.

Была еще одна вещь, которая беспокоила меня с самого начала знакомства с Камиллой, – разница между нами, которая проявлялась в стремлении быть максималистами. Камилла моментально поглощала все предложенное ей миром, впитывая в себя и в свой образ все новое как должное. Я же реально осознавал, что, как бы я ни старался, мне не угнаться за ней.

У нее в отличие от меня была масса свободного времени, чтобы следить за всеми новшествами, удовлетворяющими ее необъятный интерес. Я же выглядел как сноб, ничего не понимающий в этих ультрамодных течениях. Камила как полоумная посещала без разбора все митинги, премьеры фильмов и нашумевшие театральные представления. Меня такая ее предприимчивость и инициативность вводила в транс. Порой казалось, что она рано или поздно устанет от беготни и перестанет искать вдохновения на светских раутах, но конца всему этому не было.

У нас с ней было несколько общих хобби. Мы коллекционировали книги английских авторов и на досуге проводили время за чтением, усевшись в кресла друг напротив друга. Это особенно забавляло Камилу, а мне просто было приятно находиться с ней в одной компании, заглядывая в ее сосредоточенное лицо.

Еще мы любили конный спорт и частенько по выходным выезжали за город на ферму, чтобы покататься на лошадях. Там, где безграничные зеленые луга были окутаны деревенским колоритом, мы чувствовали себя поистине приближенными к природе.

Ну и, наконец, третьей нашей страстью были ставки на ипподроме. Иногда мы выигрывали неплохие деньги, но чаще спускали кругленькую сумму впустую, чему я очень расстраивался, зато Камилу это нисколько не беспокоило. Как настоящая дочь своего отца, она умела лишь тратить, хотя и

училась довольно успешно на своих ошибках, надеясь делать выгодные вложения.

Глава 2

Оглядываясь назад, могу сказать, что я нисколько не жалел о переезде во Францию. Мне даже казалось, что расстояние лишь сильнее скрепляет наши отношения с Камилой. Правда, она придерживалась иного мнения. Видимо, слишком приросла ко мне сердцем и душой.

– Филипп, ты слишком многого от меня хочешь, – говорила Камила, когда я звонил. – Ты должен понимать, что я не могу так долго без тебя. Я уже вся извелась от тоски. Мне надоели все эти друзья, хочется новых знакомств, новой жизни. Когда я уже смогу приехать к тебе?

– Поверь, я тоже скучаю с каждым днем все отчаянней. Я застрял в Сен-Мало с оформлением документов. Но как только меня переведут в Париж, ты сразу сможешь паковать чемоданы.

– Меня убивает сама мысль, что ты без меня, – продолжала она давить на жалость. – Мне кажется, ты там совсем одинок и беспомощен. От твоих писем веет какой-то сухостью и безразличием. Неужели ты ко мне охладел?

– Ты не представляешь, сколько сил и времени отнимает работа. А вдобавок мне еще нужно выучить французский в совершенстве. С одним английским здесь делать нечего. Я, кстати, нашел репетитора, он будет со мной первые пару недель в Париже. Надеюсь, это облегчит мои мучения. Ты же

знаешь, как тяжело мне даются языки.

– Вот зря ты в школе немецкий учил, – печально вздохнула она. – Знаешь, мне кажется, между нами выросла стена. Ты мучаешь меня своим отсутствием. А я только и делаю, что тешу себя надеждой: вот мы скоро будем вместе, разбогатеем и уедем жить к морю.

– Ну вот, опять ты за свое. Лучше расскажи, как там Джон? Он так и не решился жениться? – поспешил сменить я тему.

– Ты же знаешь, я ему не позволю. Конечно, он пытается прятать от меня своих подружек...

– И я даже знаю, почему!

– Филипп! Я еще не выжила из ума. Пока тебя не было, он уже нашел себе новую пассию. От его коллег я узнала, что она ненамного старше меня. Представляешь? Я изо всех сил стараюсь взять себя в руки, чтобы случайно не высказать ему все, что о нем думаю, но боюсь, что долго не продержусь.

– Любопытно, где он с ней познакомился?

– Не знаю и знать не хочу. Надеюсь, этот роман скоро закончится и больше не повторится. Я не потерплю очередной бездарной интрижки. Пусть уж лучше женится на какой-нибудь сумасшедшей фанатичке, лишь бы она была его ровесницей.

– Любви все возрасты покорны...

– Милый, не зли меня. Ладно, мне нужно бежать к Элизабет. Я ей еще на прошлой неделе обещала, что мы пройдем-

ся по магазинам. Целую тебя!

Я так и не успел ничего ответить – в трубке раздались короткие гудки. Камила была верна себе: вечно занятая, великодушная, она умчалась по своим делам, даже не дождавшись моего слова.

Глядя на это, я порой не мог представить, как она вообще видит нашу совместную жизнь. Я часто задавал себе этот вопрос. Ответа у меня не было, и я просто надеялся, что со временем Камила образумится. Возможно, я был глупцом. Но не глупее любого другого влюбленного.

Глава 3

Оформив все документы, я сел на ранний утренний поезд из Сен-Мало в Париж. Путь должен был занять всего пять-шесть часов. На перроне я купил свежий выпуск газеты и, устроившись в купе, углубился в последние новости из Англии. Политическая рубрика, впрочем, не сулила ничего нового. Казалось, экономика замерла в томительном ожидании: вот-вот явится отверженный революционер-активист, который наконец произведет общественный переворот. Что греха таить, я и сам частенько посмеивался над политиками, проповедовавшими свою вызывающе смелую мораль.

Убаюканный стуком колес, я незаметно уснул, а очнулся только от гула прибывшего на вокзал поезда. Я словно вернулся к жизни. За окном кипела та самая суeta, от которой мои глаза уже отвыкли с тех пор, как я покинул Англию. В Сен-Мало все было иначе: размеренно, неторопливо, почти сонно. А здесь я вдохнул воздух долгожданной победы. Сердце ликовало от чувства свободы и предвкушения праздной, новой жизни.

Пообедав в ближайшей столовой, я без промедления отправился в контору, где меня ждала должность эксперта по экономическому анализу. Мне выделили небольшой кабинет, и он вполне меня устроил. Стены выглядели немного мрачновато, но этот недостаток с лихвой компенсировал жи-

вой вид из окна.

Мои мысли прервал начальник, вошедший без стука. С важным видом он спросил:

– Что ты знаешь об экономике Франции, сынок?

Я ничуть не растерялся. Последние два месяца в Сен-Мало я потратил не зря: финансовое положение страны изучил досконально.

– За последние десять лет промышленное производство выросло более чем на сто процентов, – ответил я уверенно. – Сейчас местный рынок интегрирован в международную банковскую систему и специализируется на кредитных и валютных операциях. Франция успешно восстановила внешнюю конвертируемость франка и активно размещает капиталы по всей Европе.

– Неплохо, но с этим и первокурсник справится, – усмехнулся он, присаживаясь на край моего стола и скрещивая руки на груди. От его внимательного взгляда не ускользала ни одна деталь.

– Вот как? Что-то я сомневаюсь, – ответил я, стараясь не выдать волнения.

– А ты не сомневайся. Лучше ответь мне, каким образом местные банки пришли к долларовой валюте, которой так свободно теперь оперируют? – он слегка прищурился, явно пытаясь поймать меня на незнании.

Собравшись с мыслями, я заговорил увереннее:

– В процессе либерализации конкурентные позиции евро-

пейских банков, в том числе и французских, усилились по отношению к их собратьям из Нью-Йорка. Процент по депозитам стал выше, а кредиты – доступней. Все гениальное – просто!

– Просто?! – он резко подался вперед, и его голос зазвучал жестче. – Это для тебя все просто, а для людей, стоящих во главе всего этого, жизнь медом не кажется. Им приходится ночами не спать, чтобы такие умники, как ты, потом рассуждали о гениальности простых решений.

– Они сами знали, на что идут, – парировал я, начиная терять терпение. – Я уверен, нынешние политические деятели и продвинутые финансисты в состоянии справиться с чем угодно. И если надо, даже готовы идти по головам.

Он вопросительно приподнял бровь, но промолчал.

– Еще будут вопросы? – спросил я, давая понять, что разговор затянулся. Мне не терпелось остаться одному и осмыслить этот странный допрос.

Но начальник не успокаивался: ему не удалось застать меня врасплох, что его заметно злило. Он навис над моим столом, опершись костяшками пальцев о столешницу, и продолжил уже более грозным тоном:

– Не мудрено, что усилению позиций английского рынка способствовал дефицит платежного баланса США. Что ты об этом знаешь?

Я выдержал паузу, встретив его тяжелый взгляд. Внутри все ликовало, но я позволил себе лишь легкую, почти неза-

метную улыбку.

— Я знаю лишь то, — ответил я спокойно, — что выравнивание процентных ставок, применяемых к иностранным займам, попросту закрыло рынок капиталов Нью-Йорка. И открыло дорогу Лондону.

На этом наш диалог завершился. Начальник выпрямился, бросил на меня нечитаемый взгляд и, буркнув что-то про срочную занятость, вылетел из кабинета.

Я же остался собой более чем доволен. Не удивительно, что в первый день мне совсем не хотелось сидеть в душном кабинете и вникать в бумаги. Голова была занята другим. Я загорелся мечтой поскорее осмотреть город и не придумал лучшей отговорки, чем поиск жилья. Схватив пиджак, я выскользнул в коридор, пока начальник не передумал.

Сначала я отправился на улицу Университетскую, а затем свернул на проспект Гренель, где мне и подвернулась та самая квартира — двухкомнатная, с просторной гостиной и уютной спальней. Я почувствовал, как внутри разливается тепло: Камиле здесь точно понравится. Жилье почти не уступало тому уровню комфорта, к которому она привыкла. И, шагая по незнакомым улицам, я уже представлял, как мы будем обставлять его вместе, спорить о цвете штор и искать старинный комод для гостиной.

В первый же вечер я решил отправиться на прогулку. Стоял май, воздух был тяжелым и душным, напитанным выхлопными газами и ароматом цветущих каштанов. Все во-

круг было в диковинку: вывески, речь прохожих, даже свет фонарей. Мое английское воспитание крепко держало меня в узде, не позволяя бесцельно перебегать с одной стороны улицы на другую, чтобы разглядеть каждую витрину, хотя руки так и чесались.

Пужинать я решил в небольшом кафе на Сен-Доминик. Заказал виски – он оказался совсем не таким, как в Англии, более мягким, что ли. Да и вообще, от всего вокруг веяло какой-то ленивой роскошью и беззаботностью. Я устроился за столиком напротив барной стойки, откуда открывался отличный вид на зал. Наблюдать за посетителями оказалось занятным делом. Они казались мне тогда невероятно вежливыми и счастливыми, глаза их блестели, то и дело скользя по сторонам в поисках новых впечатлений.

И знаете, я ничуть не чувствовал себя чужим. Напротив, я с удивлением обнаружил, что очень быстро влился в эту романтическую атмосферу. От Англии во мне в тот момент не осталось почти ничего, кроме теплых, чуть печальных воспоминаний о близких.

Глава 4

Меня радовало, что на новом рабочем месте коллеги встретили меня на редкость радушно. Они обстоятельно, с французской дотошностью, объяснили, чем мне предстоит заниматься в ближайшие месяцы. Но больше всех ко мне прикипел Андре – с ним мы сдружились особенно быстро. Он сразу подкупил меня своей целеустремленностью, которая так удачно сочеталась с тем самым неуловимым шармом, что бывает только у французов. Высокий, чуть небрежный в одежде, с вечной полуулыбкой на лице, он казался воплощением парижской свободы.

Андре был холост и все свободное время проводил в погоне за приключениями – то ли в городе, то ли на лоне природы. Мы даже договорились как-нибудь выбраться за город покататься на лошадях. Кстати, именно он заметил, что мне крупно повезло снять такую приличную квартиру в сезон. Сам он жил за городом и каждое утро убивал кучу времени на дорогу.

Камила, узнав, что я уже заселился, немедленно загорелась идеей переезда и стала готовиться. Но я-то знал: меньше чем через две недели она не управится. В подтверждение моих мыслей она радостно сообщила, что по такому случаю пошила несколько новых платьев и выходных костюмов. Для меня это значило только одно: багаж разрастется минимум

до пяти чемоданов. Она, как и большинство девушек, обожала красиво одеваться и, надо отдать ей должное, умела это делать безукоризненно. Я уже представлял, как мы будем загружать такси этой горой багажа.

Мой переводчик Жан на первое время поселился в моей новой квартире – я посчитал, что так будет лучше для него и удобнее для меня. Он пообещал подтянуть мой скудный французский в течение месяца. Мы условились: утром и в обед он волен заниматься своими делами, а по вечерам, когда я свободен, то будет меня обучать.

Жан был немного старше меня и всю сознательную жизнь прожил во Франции. Меня забавлял его тонкий юмор и неизменная тяга к крепким напиткам – без бокала вина или порции кальвадоса не обходился ни один наш вечер. Иногда мы выходили на прогулку, где он устраивал мне настоящие экскурсии и помогал освоиться в разных районах города. Мне хотелось ориентироваться в этих запутанных улочках так же свободно, как местные, ловко ныряющие в арки и перебегающие бульвары.

Благодаря ему Париж открылся для меня с новой стороны. Мы бродили по залам Лувра, задерживаясь у любимых полотен Жана, подолгу стояли в тишине музея Родена и слушали орган в Соборе Парижской Богоматери. Но больше всего меня впечатлили не музеи, а живые уголки города: Люксембургский сад с его зелеными креслами и Венский лес, где пахло прелой листвой. А иногда, по вечерам, мы устраивали

незатейливые пикники прямо на Елисейских полях, жуя багеты и наблюдая за огнями проезжающих машин.

Я приглашал своих коллег Виктора и Андре, и мы, как старые закадычные друзья, распивали вино, закусывая сыром с хрустящими булочками. Жан неизменно становился душой компании: травил анекдоты, а иногда и целые памфлеты в лицах. Сам он, кстати, пописывал – в основном юмористические зарисовки из жизни парижан, а на жизнь зарабатывал переводами книг.

В конторе дела поначалу шли неплохо. Я почти не отставал от графика и даже находил время на обустройство кабинета. Разжился картиной малоизвестного художника: может, она и не была шедевром, но вид Венского леса на холсте грел душу и напоминал о родных краях. Еще я сменил кресло – старое оказалось изрядно потрепано предыдущим хозяином.

Начальник как-то обронил, что я, возможно, привнесу в их серьезный коллектив ту самую дружескую атмосферу, которой им не хватало. А заодно намекнул на повышение, если дела пойдут как надо. Услышав это, я поднажал и стал работать еще усерднее. Но Камиле решил пока об этом не говорить – хотелось сообщить уже по факту, с прибавкой в кармане. Мы с ней договорились, что пока у меня живет Жан, она не будет спешить с переездом. Тем более что французским она владела неплохо и могла легко усовершенствовать его уже на месте.

Глава 5

Наконец наступили выходные, и мы с Андре отправились за город, как и договаривались. Ехать пришлось недалеко – благо, он был на машине. Мы остановились в милой деревушке неподалеку от Сены, взяли напрокат велосипеды и покатались по окрестностям, разглядывая природу и глаза на местных жителей, копошащихся в своих огородах. А когда солнце припекло совсем нещадно, решили искупаться в реке – вода оказалась прохладной, но бодрящей.

– Филипп, ты говорил, что скоро придет Камила. Ты меня с ней познакомишь? – неожиданно спросил Андре, когда мы, мокрые и довольные, сидели на берегу.

– Почему бы и нет! – я отжал волосы и подставил лицо солнцу. – Видишь ли, она всегда приходит в восторг от новых знакомств и считает, что такое общение развивает в ней личность и самоконтроль.

Андре хитро прищурился, покрутил в руке травинку и усмехнулся:

– Наверно, она у вас всем заправляет?
– А как сам думаешь? – я усмехнулся и повернулся к нему.
– Ну, пораскинь мозгами. Мне даже интересно...

Андре замялся, почесал затылок и неуверенно протянул:
– Я был уверен, что ты, но после всех твоих рассказов...
Теперь уже и не знаю.

– О, нет! – я выставил ладони вперед, словно защищаясь.
– Избавь меня от этих рассуждений. В нашей паре полное равноправие. Мы в какой-то степени даже воспитываем друг в друге любовь к жизни.

Он хитро прищурился, и в его голосе зазвучали игривые нотки:

– Меня так и подмывает спросить: а готов ли ты к семейной жизни?

Я пожал плечами, стараясь сохранять спокойствие:

– Ну, раз я сделал предложение, значит, все к этому и идет.

Андре вдруг стал серьезным. Посмотрел на меня в упор, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на тревогу – не наигранную, а настоящую, дружескую.

– Вы еще так молоды... Не к спеху ли свадьба?

Я ничего не ответил. Сделал вид, что погружен в свои мысли, и невозмутимо поплыл по реке, размеренно работая руками. Андре последовал за мной, не нарушая тишины. А мне вдруг показалось странным: почему он спрашивает меня о таком? О столь личном? С чего вдруг эти сомнения? Я ведь был полностью уверен в Камиле. Абсолютно. Или нет?

Когда мы выбрались на берег и растянулись на теплой траве, подставив лица солнцу, в памяти ни с того ни с сего всплыли ее слова, сказанные при расставании. Те самые, что она шептала мне на ухо на вокзале, когда поезд уже трогался. И тут меня накрыло. Накрыло с головой, как волной: ста-

ло невыносимо одиноко, до рези в груди, до острого, почти физического желания оказаться рядом. Я вдруг осознал, как же сильно, до боли, до дрожи в пальцах, соскучился.

– Никого лучше меня Камила точно не встретит, – ответил я спустя долгую минуту молчания, глядя куда-то в небо, в бесконечную синеву, где таяли редкие облака.

Андре хлопнул меня по плечу, возвращая в реальность:

– Старик, перестань, я же пошутил. Не бери дурного в голову. Ты романтик, а девушки от таких с ума сходят. Вот я другой – мне не хватает терпения и фантазии для серьезных отношений. Я просто переживаю, что Камиле может быстро наскучить вся эта столичная жизнь. Понимаешь? Париж – он такой, затягивает.

– Я тоже об этом думал, – признался я, глядя на проплывающие по небу облака. – И еще я думал, что ей нужно будет поскорее найти работу. Я не смогу равнодушно смотреть на то, как она бездельничает.

И тут меня осенило. Я резко повернулся к Андре:

– Слушай, а у тебя нет знакомой, с которой могла бы познакомиться Камила?

Он задумчиво потер подбородок, потом щелкнул пальцами:

– Да, пожалуй, есть одна на примете. Думаю, она подойдет. Я с огромным удовольствием познакомлю ее с твоей невестой.

Я приподнялся на локте и с интересом посмотрел на дру-

га:

– И что это за девушка? Кто-то из бывших?

Андре расхохотался и замахал руками:

– Нет, нет! Что ты? Дружище, я имел в виду свою сестру Анабель. Она, конечно, та еще штучка, но ты же сам говорил, что Камила не промах. Так что мне кажется, они отлично поладят.

– Значит, заметано. Теперь я буду уверен, что моя дорогая не будет скучать по своим несносным подружкам из Англии.

Ближе к вечеру мы отправились на ближайшую ферму, чтобы покататься на лошадях. Нас встретили хозяева – супружеская пара с добродушными лицами и простыми улыбками. Они с радостью дали нам пару лошадей напрокат. В загоне резвилось около двадцати молодых коней – красивых, нервных, с блестящими боками, – но мы, по здравому размышлению, выбрали самых спокойных и зрелых.

Андре, как и обещал, показал класс: он то и дело мастерски перескакивал через препятствия, лихо забирался на пригорки. Я даже переживал, как бы тот не свалился, хотя держался он в седле уверенно. Мой конь оказался резвым, но я не старался обогнать коллегу – слишком устал от дневной жары, которая даже к вечеру не спешила отпускать.

Для ночевки мы выбрали небольшой двухэтажный отель. Владельцы, пожилая чета, вежливо пригласили нас на ужин в скромный ресторанчик в подвале – там пахло травами и старым деревом. Андре заказал бутылку виски, себе – кассе-

роль с курицей под хрустящей корочкой, а мне настоятельно посоветовал традиционный французский луковый суп. Признаться, я отнесся к идее скептически: лук в супе? Но, отведав ложку, понял, что остановиться уже не смогу. Густой, сырный, с плавленной корочкой – это было открытие.

– Не дурно, правда! – Андре с довольной улыбкой наблюдал, с каким аппетитом я уплетаю экзотическую похлебку, буквально заглатывая ложку за ложкой.

– Признаться, да, – ответил я, на мгновение отрываясь от тарелки. – Честно говоря, не ожидал, что это окажется не просто съедобным, а чертовски вкусным. Слушай, может, ты и десерт мне посоветуешь? А то я в этой кухне пока не разбираюсь.

Андре откинулся на спинку стула, довольно прищурился и авторитетно заявил:

– Бери лимонный пирог или крем-брюле. Не прогадаешь!

Я пробежался глазами по меню и ткнул пальцем в незнакомое слово:

– А клафути? Тут написано «клафути». Что это?

Он пожал плечами, бросив беглый взгляд на строчку:

– Что-то с фруктами. Честно скажу, сам не пробовал. Но французы его любят.

Я махнул рукой, чувствуя азарт первооткрывателя:

– Ладно, беру все! И пирог, и крем-брюле, и это самое клафути. Буду дегустировать по полной.

Андре расхохотался и погрозил мне пальцем:

– Смотри не объешься, а то мне придется тебя нести до номера. Я, конечно, сильный, но не настолько.

– Я думал, что ты мне поможешь? – с надеждой посмотрел я на Андре, пододвигая к нему тарелку с десертами, которую уже принес официант.

– Ну, если совсем чуть-чуть, – сдался он, вооружаясь вилок. – Я, вообще-то, не очень люблю сладкое. Но ради друга...

Я с наслаждением откусил кусочек лимонного пирога, жмурясь от удовольствия, и спросил:

– Ты часто сюда приезжаешь?

Андре задумчиво пожал плечами, прожевывая крем-брюле:

– В лучшем случае раз в месяц. Чаще никак – работа, знаешь ли, не отпускает.

Я окинул взглядом пустующий зал, где только в углу тихо переговаривалась пожилая пара, и заметил:

– Смотрю, тут немного туристов. Почти никого...

Андре довольно улыбнулся и подмигнул:

– Ты прав, об этом месте мало кто знает. Поэтому мы здесь и сидим. Люблю такие заведения – тихо, уютно и по-домашнему.

Андре разлил нам еще по чуть-чуть и продолжил, обводя рукой пустой зал:

– Здесь не скучно. Хотя на первый взгляд так не кажется...

Я улыбнулся и покачал головой:

– Не переживай, мне все нравится. Я, вообще-то, не любитель шумных компаний. Ценю тишину и покой.

Он понимающе кивнул и задумчиво посмотрел куда-то в угол:

– Да, иногда так хочется отдохнуть от всей этой городской суеты. От вечной спешки, от толп народа.

Я отпил виски и поинтересовался:

– Какая программа на завтра?

Андре оживился и хитро прищурился:

– Можем сыграть в бильярд, если ты умеешь? Я тут одно местечко знаю, отличный стол.

Я скромно пожал плечами:

– Немного играю. Для удовольствия.

Он самодовольно усмехнулся и потер руки в предвкушении:

– Тогда я тебя сделаю. Готовься проигрывать.

Я поднял стакан и с усмешкой ответил:

– Это мы еще посмотрим. Хвастовство до добра не доводит.

Мы просидели в том подвальчике до поздней ночи, разомлевшие от виски и сытного ужина. А на следующий день, поскольку вставать рано не было нужды, благополучно проспали завтрак и выползли из номеров только ближе к обеду, выспавшиеся и довольные.

Андре, едва продрал глаза, уже строил планы: сначала искупаться, чтобы взбодриться, а потом – сразу в бильярд.

Спортивный клуб, про который он рассказывал накануне, находился всего в двух милях от деревни, и мы решили прогуляться пешком, разминая затекшие после долгого сидения ноги.

Когда мы добрались до места, в зале уже было несколько парней и девушек – в основном местные, судя по их ослабленному виду и громкому смеху. На нас они не обратили ровно никакого внимания, занятые своими разговорами, так что мы с Андре могли чувствовать себя совершенно свободно и вести себя хоть развязно – никому до нас не было дела.

Оказалось, мой коллега играет в бильярд виртуозно. Я и подумать не мог, что он настолько хорош. Все три партии я проиграл с треском, можно сказать, всухую. Мне ничего не оставалось, как с достоинством принять поражение, пожать ему руку и пообещать при случае непременно отыграться.

Эти выходные, проведенные в компании Андре, заметно меня взбодрили. Мне так давно не хватало подобной встряски – вырваться из города, подышать другим воздухом, почувствовать себя живым. Вылазка на природу придала сил. Иногда казалось, что столичная жизнь сильно утомляет и притупляет чувство реальности, затягивая в бесконечную гонку. А здесь, в тишине, я снова вспомнил, что такое настоящий, полноценный отдых.

Глава 6

Ежедневная суматоха в конторе выбивала меня из колеи. Бумаги, отчеты, совещания – все смешалось в один бесконечный круговорот. Я старался перевыполнять план каждый день, надеясь, что шеф наконец заметит мои старания и объявит о долгожданном повышении. Однако он с этим не торопился, отделиваясь туманными обещаниями.

Коллеги тем временем все чаще стали приглашать меня после работы – то в ресторан, то в кабаре. Отказывать было неловко, да и не хотелось: я чувствовал, что так завязываются настоящие связи. Но из-за этого пришлось перенести занятия с Жаном. Мы договорились, что теперь он будет приходить ко мне прямо в контору, в обеденный перерыв – благо, кабинет позволял заниматься без лишних ушей.

В один из вечеров я решил взять инициативу в свои руки и предложил коллегам поужинать в новом ресторане «Montpensier» на бульваре Бомарше. Это место мне порекомендовал Жан, и, как оказалось, не зря. Ресторан покорила нас не только уютной обстановкой и ненавязчивым обслуживанием, но и великолепным джазовым оркестром – живая музыка создавала неповторимую атмосферу, в которой хотелось остаться до утра.

Виктор с Андре громко обсуждали какую-то сделку, но я слушал их лишь краем уха, погруженный в свои мысли. Вме-

сто этого я непроизвольно присматривался к посетителям ресторана. Было заметно, что абсолютно все они чувствуют себя здесь как дома – ни тени смущения или скованности. Девушки выглядели более чем аристократично: струящиеся платья, идеальные прически, сдержанные улыбки. Их кавалеры вели себя с ними максимально галантно, склоняясь к ушке, чтобы сказать что-то, отчего дамы опускали глаза и чуть заметно краснели.

Допив второй бокал, Виктор наконец обратился ко мне, отрывая из раздумий:

– Я слышал, что шеф похвалил тебя на прошлой неделе. Как думаешь, повысит?

Андре хохотнул и вмешался:

– Он просто кипел от ярости, когда говорил! Я думал, что у него случится инфаркт прямо в кабинете.

Меня такой разговор немного нервировал – слишком личная тема для обсуждения за ужином, да еще и с таким сарказмом. Мне хотелось поскорее его закончить, перевести все в шутку или просто замять.

– Не хочу тешить никого ложными надеждами, – ответил я уклончиво, стараясь говорить спокойно. – Шеф дал мне ясно понять, что дела в конторе идут неважно. Так что не до повышений сейчас.

– Неважно? – вскричал Андре, чуть не поперхнувшись вином. Он отставил бокал и уставился на меня с неподдельным изумлением. – Да ты творишь чудеса, старик! Я своими гла-

зами видел твои отчеты. Видимо, этот старый маразматик просто пока не готов тебя как следует отблагодарить. Боитесь, что ты его место займешь!

Я покачал головой, стараясь сохранять спокойствие:

– Я очень надеюсь, что он не будет трястись над каждой копейкой. В конце концов, результат говорит сам за себя.

Виктор криво усмехнулся и с явной иронией произнес:

– Готов биться об заклад, что он все-таки пойдет тебе на уступки. Если, конечно, ты сам не передумаешь здесь оставаться.

Я ничего не ответил, лишь сделал глоток вина, глядя куда-то в сторону. Но для себя решил твердо: если меня не устроит оклад, который предложит контора в ближайшее время, я начну искать новое место. Париж велик, а специалисты моего уровня нужны везде.

– Старик, как ты только миришься с этим? – удивился Андре, с сочувствием глядя на меня. – Я бы уже давно послал все к черту.

– Сам не знаю, – пожал я плечами, – но другого выхода нет. Одно радует: скоро я закончу занятия с Жаном, и у меня появится больше свободного времени. Может, тогда и начну бунтовать.

– Не правда ли, здорово, что ты переехал в Париж? – перебил меня Виктор, поднимая бокал и оглядывая зал с довольной улыбкой. – Давайте выпьем за это!

– Что верно, то верно, – согласился я, поднимая свой бо-

кал и обводя взглядом уютный зал с мерцающими свечами.
– Восхитительное местечко... Вы тоже так считаете?

– Бесспорно! – Андре хлопнул меня по плечу с такой силой, что я чуть не расплескал вино. – И как только мы раньше сюда не заглядывали?! Надо будет наверстать упущенное.

– Жан сказал, он открылся совсем недавно, – ответил я, отпивая вино.

– Вас не пугает, что мы много пьем? – рассмеялся Виктор, обводя взглядом наши опустевшие бокалы.

– Сегодня можно! – успокаивающе поднял я руку. – Завтра на работу не надо, так что гуляем.

Андре, прищурившись, посмотрел на меня с хитрой улыбкой:

– А ты безутешный мечтатель, Филипп. Но в этом твое обаяние. Знаешь, я даже тебе немного завидую.

– Чему завидовать? – удивился я.

– Твоей вере в лучшее, – пояснил он. – Я в последнее время стал слишком циничным.

В тот вечер мы много пили. Вино лилось рекой, разговоры становились все откровеннее. И Виктор, покрасневшийся и расслабленный, вдруг решил поделиться тайнами, о которых обычно на трезвую голову молчат. Он рассказал, как его бывшая жена оказалась аферисткой: обобрала его до нитки, нагрела на приличную сумму и улетела с любовником в Испанию. Говорил он это с горькой усмешкой, но в глазах плескалась давняя, незажившая боль.

Я слушал Виктора и не верил своим ушам. История казалась настолько немыслимой, что не укладывалась в голове. Мне было его искренне жаль, но, к удивлению, он не выглядел сломленным или отрешенным. Напротив, в его глазах горел огонь – только я никак не мог разобраться, что это: пламя вражды к бывшей или надежда на новое счастье. А потом он сказал, что скоро съедется со своей новой девушкой, и я по-настоящему порадовался за него. Андре, как заклятый холостяк, только покачал головой и закатил глаза – он явно не разделял наших сантиментов.

Когда мы вышли из ресторана, коллеги поймали такси и разъехались по домам, а мне вдруг захотелось остаться одному. Прогуляться по ночному городу, подышать воздухом, переварить услышанное. Я побрел по узким улочкам Парижа, разглядывая темные окна и редкие фонари, и сам не заметил, как ноги привели меня к набережной Берси. Был уже поздний вечер, но здесь еще толпился народ – в основном студенты, шумные компании, и молодожены. Последних легко можно было распознать по счастливым, почти светящимся лицам. Они словно не замечали никого вокруг, погруженные в свое маленькое личное счастье.

Я присел на скамейку, достал сигарету и закурил, глядя на небо. Оно было полностью затянуто тяжелыми тучами – ни одной звезды, только мутная пелена. Где-то вдалеке раздался приглушенный удар грома, и через минуту начался мелкий, назойливый дождь. Я не спешил уходить. Почему-то именно

сейчас хотелось посидеть под этим дождем, глядя на реку и думая о чем-то далеком.

Насладившись видом, я пошел вдоль реки, и вдруг меня осенило: это мой первый дождь в Париже. Тот самый, парижский дождь, о котором пишут в книгах и снимают фильмы. Несмотря на то, что в конце мая было душно, как в парнике, сейчас меня проработала дрожь – то ли от сырости, то ли от странного волнения. Я остановился под старым дубом, раскинувшим густую крону, и решил переждать непогоду.

И вдруг под то же самое дерево, запыхавшись и отряхивая мокрые волосы, забежала девушка.

– Вы сильно промокли, – сказала она, уставившись мне прямо в глаза. В ее взгляде не было наглости, только живое, искреннее любопытство. – Дождя давно не было. Он застал вас врасплох?

Я где-то с полминуты в растерянности молчал. Гостья не вызывала во мне ни капли тревоги, наоборот, от нее веяло каким-то теплом и спокойствием, но отчего-то я онемел. Слова застряли где-то в горле, а сердце почему-то забилось чаще.

– Пожалуй, вы правы, – наконец выговорил я, чувствуя себя неловко под ее прямым взглядом. – Но я не могу сказать точно. Я в Париже совсем недавно и еще не понял, как часто здесь меняется погода.

– Люблю дождь, – неожиданно сказала она, глядя на струи воды за листвой. – Особенно его меланхолическое очарова-

ние. В нем есть что-то... грустное, но красивое. Кстати, меня зовут Джессика, – незнакомка протянула свою хрупкую, изящную руку, и я машинально пожал ее, поражаясь, какая она теплая, несмотря на прохладу. – Откуда же вы приехали, если не секрет?

Я смотрел на нее и не понимал, почему она решила проявить ко мне столь живой интерес. Противиться этому не хотелось. В ней было что-то родное, давно забытое, словно мы уже встречались когда-то. А в глазах читалась та самая большая любовь к жизни, которой мне порой так не хватало. Джессика слушала с большим любопытством, свойственным юным девушкам, но без жеманства и кокетства – она действительно внимательно ловила каждое мое слово, будто я рассказывал что-то невероятно важное.

Я поведал ей, что приехал из Англии в поисках лучшей жизни, работы, возможностей. А она в ответ призналась, что и сама недавно переехала из Монпелье – солнечного южного города. Теперь живет в Париже с братом, который занимается недвижимостью и много путешествует.

– Мне кажется, что я всю сознательную жизнь гонюсь за приключениями, – призналась Джессика с каким-то воодушевлением, которое осветило ее лицо изнутри. Она достала тоненькую сигарету, изящно подкурила, выпустила струйку дыма в сырой воздух и продолжила: – Ведь нельзя быть уверенной на сто процентов, что город, в котором ты родилась, предназначен именно для тебя. В мире так много кра-

сивых мест, которые надо успеть увидеть. Знаешь, мне иногда грустно от того, что большинство людей вокруг ничего не замечают – они словно спят на ходу.

Я смотрел на нее и невольно улыбался. В ней чувствовалась та самая жажда жизни, которая так подкупает.

– Ты права. Уверен, что для тебя предназначена интересная судьба с массой возможностей. Такие люди, как ты, не могут затеряться.

Джессика благодарно улыбнулась, но в глазах мелькнула тень беспокойства.

– Вот мне лично не хотелось бы все лето проторчать в Париже, – призналась она. – Бесспорно, я его очень люблю, но, знаешь, ничего не сравнится с ласковым морем. Я надеюсь, мне повезет и я полечу в Испанию. Тетя уже звала меня несколько раз, но мне все не хватало на билет. – Она грустно усмехнулась и затянулась сигаретой.

– Испания – это прекрасно! – вырвалось у меня искренне. Я представил тепло, море, ветер.

– Ты был там? – Джессика повернула голову и с любопытством посмотрела на меня, задержав взгляд дольше обычного.

– Нет, – признался я с легкой улыбкой. – Но слышал, что там очень мягкий климат и есть на что посмотреть. Говорят, там даже дождь пахнет по-другому.

Она тихо рассмеялась, словно я сказал что-то очень милое, и вдруг спросила доверительно, будто мы были знакомы

сто лет:

– А ты сам куда-то собираешься этим летом?

Я задумался, глядя на мокрую листву.

– Не знаю, насколько это возможно с моей новой работой... Пока что я привязан к конторе.

Джессика резко выдохнула дым и всплеснула руками:

– Не терплю предрассудков! Всех вечно что-то держит: работа, обязательства, страх. А жизнь так коротка, что даже не удастся угнаться за мечтой! Знаешь, как много тех, кто боится свернуть с намеченного пути? Они же так и проживут в своей клетке.

Ее пыл меня заинтриговал. Я посмотрел на нее внимательнее и тихо ответил:

– Ты права. Трусов хватает. А еще больше слепцов, особенно когда речь идет о благом деле. Они просто не видят, что можно жить иначе.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я, замороженный ее словами.

– Только представь, как бы мы жили, если бы каждый не боялся высказать свое мнение, – Джессика затянулась сигаретой и выпустила дым в мокрый воздух. – Но, к сожалению, жизнь вгоняет нас в тесные рамки... Мы становимся удобными, предсказуемыми, скучными.

Я смотрел на нее и чувствовал, как ее слова отзываются во мне.

– Нельзя никого упрекать, – тихо ответил я. – Но мы в

силах стать компасом для самих себя. Показывать дорогу, даже если никто не следует.

Джессика вдруг рассмеялась – звонко, легко, как смеются только очень свободные люди. И неожиданно побежала по набережной, раскинув руки в стороны, словно пыталась обнять весь этот мокрый, пахнущий озоном Париж.

Я смотрел ей вслед и не мог сдержать улыбки. Несмотря на юный возраст, она была во многом права. Она привлекала меня своей внутренней свободой, тем, как легко и естественно она существовала в этом мире. Во мне проснулся живой, искренний интерес к этой удивительной девушке. Мне нравилось за ней наблюдать – за каждым ее жестом, за каждым поворотом головы.

Когда дождь наконец прекратился и тучи начали рассеиваться, мы решили прогуляться. Мы говорили без умолку, до легкого головокружения, перескакивая с темы на тему: о фильмах и книгах, о людях и городах, о жизни и смерти. И чем дольше мы говорили, тем больше я удивлялся. Оказалось, что Джессика прекрасно разбирается в искусстве, особенно в живописи. Она рассказывала об импрессионистах с таким знанием и любовью, что я слушал, затаив дыхание.

Мы говорили обо всем на свете, но так и не перешли на личности. Словно оба чувствовали, что это может разрушить хрупкую магию нашей случайной встречи. Попрощались только под утро, когда небо на востоке начало светлеть, а фонари погасли. Джессика не оставила мне свой номер, да

я и не просил. Почему-то мне казалось, что мы обязательно еще встретимся. Это чувство было сильнее логики.

В то утро я долго не мог уснуть. Лежал в своей комнате, смотрел в потолок и думал о всевозможных причинах, которые связывают совершенно незнакомых людей. О том, что наша каждодневная жизнь, по сути, соткана из чистых совпадений: случайных встреч, случайных людей, случайных событий, которые вдруг оказываются неслучайными.

На первый взгляд, мы с Джессикой могли никогда не оказаться под тем старым дубом. Разминуться на минуту, выбрать другое укрытие, пройти мимо. И тогда я бы никогда не задумался о том, какое значение имеют некоторые вещи, некоторые встречи для меня. До этого дня я ни с кем так просто не знакомился – без повода, без цели, просто потому, что дождь свел нас под одной кроной. И это было прекрасно.

В моих глазах Джессика была отважной защитницей своих интересов – она не позволяла миру загонять себя в рамки. Мне нравилась ее настойчивость, та легкость, с которой она отстаивала свое право на мечту. И, что важно, я не думал о ней как об объекте желаний и тем более не пытался сравнивать с Камилой. Это было совсем другое чувство. Но я вдруг осознал нечто важное: в моей жизни есть место и для других людей, которые могут так или иначе повлиять на мою судьбу. Не вытесняя, не заменяя, а дополняя.

Я не пытался взрастить в себе эгоизм – нет. Скорее во мне пробудилась жажда смотреть на мир свежим взглядом, без

шор, без привычных фильтров. Наверное, почти каждый человек рано или поздно подходит к той черте, когда приходится оглянуться назад и, переступив через себя, открыться новым возможностям. Это не предательство прошлого, а расширение горизонтов.

Отдавшись эмоциям, я трезво оценил свои силы и понял, что готов сокрушить свои страхи. Смириться с привычным собой было бы проще простого – остаться в теплом коконе, не рисковать, не меняться. Но вот отказаться от себя прежнего, от тех установок, которые уже перестали работать, – вот что поистине было бы сложно. И в то же время необходимо.

Глава 7

Как-то в обеденный перерыв ко мне по обыкновению заглянул Жан. Мы сидели в моем кабинете, разбирали очередную порцию французской грамматики, как вдруг меня осенило. А почему бы, собственно, не расширить горизонты? Испанский и итальянский – языки красивые, звучные, да и в работе могут пригодиться. А кроме того, мы с Камиллой планировали провести медовый месяц в Италии. Представлял, как буду заказывать вино и объясняться с местными на их языке – сразу чувствовал себя увереннее.

Пока я витал в облаках, Жан, уткнувшись в книгу, начал заметно клевать носом. Веки его тяжелели, голова клонилась к столу, еще минута – и он бы сладко засопел прямо на моих документах. Чтобы взбодрить беднягу, я громко, почти как на плацу, спросил:

– Жан! Ты знаешь кого-нибудь, кто мог бы дать мне уроки испанского и итальянского?

Услышав это, Жан вздрогнул, чуть не свалился со стула и уставился на меня круглыми глазами. Было видно, что вопрос застал его врасплох – он явно не ожидал такого энтузиазма от своего непутевого ученика.

– Хм, – Жан потер подбородок, все еще приходя в себя после моего внезапного вопроса. – Никогда бы не подумал, что с такими сложностями в изучении французского ты за-

хочешь подружиться и с другими языками! Тебе мало моих мучений?

Я усмехнулся, чувствуя, как между нами возникает какая-то новая, более теплая атмосфера.

– Ты знаешь, я и сам себе порой удивляюсь. Но думаю, что сейчас мне как нельзя кстати могут пригодиться такие способности... Вдруг я прирожденный полиглот?

Я сделал паузу, внимательно посмотрел на Жана, изучая его перекошенное лицо, и решился задать вопрос, который давно вертелся на языке:

– Признаться, я тебе очень удивляюсь... Ведь с твоим талантом к преподаванию ты мог бы много путешествовать. Почему ты этого не делаешь? Объездил бы полмира, учил бы людей языкам...

Жан отвел взгляд и помрачнел. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь тиканьем настенных часов.

– Щекотливая тема для меня, однако, – наконец произнес он. – Наверное, пока что у меня нет возможности этого сделать. Да, я имею стабильный доход, но... какие могут быть амбиции у такого, как я? – В его голосе послышалась горечь.

– Ты просто не веришь в себя, – сказал я, глядя ему прямо в глаза. – И зря! Или, может быть, ты из тех, кто никогда не осознает пользу денег?

Жан усмехнулся, отложил книгу и посмотрел на меня с легкой иронией.

– Сущий пустяк! – ответил он с неожиданной уверенно-

стью. – Цену деньгам я знаю лучше любого, независимо от их количества. Поверь, я умею считать. Но душевные качества меня интересуют гораздо больше, чем материальные блага. Все просто! – он развел руками, словно открывая мне тайну. – Больше всего на свете я люблю читать, пить крепкий бурбон и переводить средневековую сатиру. Вот мой джентльменский набор.

Я невольно улыбнулся такому неожиданному признанию.

– Ну, раз литература в твоей жизни занимает далеко не последнее место, тогда ответь мне честно: какие книги в твоём списке любимых?

Жан задумался, пожевал губу, глядя куда-то в потолок.

– Так сразу сложно сказать, – протянул он. – Определенно я люблю Ремарка. За его правдолюбие, за то, как он пишет о людях. И Марка Твена – за его мечтательность и мягкий юмор. А еще, знаешь, за то, что он умеет смеяться над серьезным.

– Как интересен твой выбор, – заметил я, откидываясь на спинку стула. – Марк Твен хоть и был коренным американцем, но при жизни объездил всю Европу. Наверно, именно поэтому его произведения так близки тебе. – Я хитро прищурился: – Забавно, но я почти уверен, что Том Сойер – твой любимый персонаж.

Жан расплылся в широкой, почти мальчишеской улыбке, которая сделала его моложе лет на десять.

– Конечно! – воскликнул он. – И Гекльберри Финн, само

собой. Они же так ловко обманывали всех в округе... Этакая беззаботная свобода, о которой только можно мечтать.

Я рассмеялся и поддел его:

– Ты, наверное, в детстве тоже был несносным?

Жан загадочно усмехнулся, отпил глоток бурбона и, глядя куда-то в прошлое, начал:

– О, я был тот еще проходимец, скажу я тебе. Убегал не раз из дома, совершенно не слушался родителей. Часто проигрывал деньги в карты, хотя самому потом есть было нечего. Научился курить в двенадцать, а впервые попробовал бренди в четырнадцать – украл у отца из бара. – Он сделал паузу и добавил с кривой усмешкой: – А к восемнадцати уже было сложно сосчитать всех моих девушек. Хорошее было время... беззаботное.

– Ну, Марк Твен – это классика, с ним все понятно, – сказал я. – А что ты читал из последнего, что тебя по-настоящему зацепило?

Жан задумался, поглаживая подбородок, и его глаза вдруг загорелись знакомым огоньком.

– Я для себя открыл нового автора, – произнес он с заметным воодушевлением. – И имя его – Сэйте Мацумото. Меня сильно впечатлило его произведение «Земля-пустыня».

Я подался вперед, заинтригованный:

– О чем оно?

Жан помолчал, собираясь с мыслями, словно решал, стоит ли открывать мне эту историю.

– О японце, который, предав родину, решил вернуться домой инкогнито. Понимаешь, он сам себя не считает отверженным, для него это был вынужденный шаг. Но для других он – изгой и предатель. И он вынужден жить с этим клеймом.

Я внимательно посмотрел на Жана, чувствуя, что за этим рассказом кроется что-то личное.

– А ты так не считаешь? – спросил я осторожно, сделав вид, что не до конца понимаю, о чем он. Но на самом деле я ждал его ответа, как откровения.

– Сам факт несправедливости японской нации в отношении к другим меня пугает, – задумчиво произнес Жан, глядя куда-то в окно. – Их культура, при всей своей красоте, не дает свободно дышать никому. Слишком жесткие рамки, слишком много правил. Чуть отклонился – ты изгой.

Я покачал головой, обдумывая его слова.

– Ах, вот в чем дело! – ответил я. – Но, знаешь, мы ничем не лучше. Чувство самосохранения неподвластно правит нашими сердцами. Мы тоже боимся чужих, боимся тех, кто не такой, как мы. Просто у нас это выражается иначе.

Жан повернулся ко мне, и в его глазах мелькнуло удивление – кажется, он не ожидал такого поворота.

– Возможно, ты прав, – тихо сказал он. – Но я ничуть не разделяю такое положение вещей. Хотя, может, и не стоит воспринимать все как должное. Может, мы просто привыкли?

Я улыбнулся его сомнениям.

– Конечно, не стоит. И вообще, личные убеждения стоит отставлять в сторону, когда в разговоре имеют место книги и духовное развитие. Искусство выше политики, выше национальностей.

Жан помолчал, а потом вдруг посмотрел на меня с живым интересом:

– Раз мы уже заговорили о книгах, то скажи: что в списке твоих любимых произведений, Филипп?

– Как ни странно, английская и американская литература, – ответил я, задумчиво глядя на плывущие за окном облака.
– Хотя в последнее время я читаю исключительно французов. И надо сказать, что меня до нелепого восхитила «Планета людей» Экзюпери. Ты, должно быть, тоже читал?

Жан оживился, глаза его блеснули узнаванием.

– Да. Точно читал! – воскликнул он. – Превосходный сборник. Там есть такая глубина, такая любовь к человеку... А как тебе наши современные романисты?

Я пожал плечами, размышляя.

– Все они не похожи друг на друга, хотя, если присмотреться, освещают одну и ту же, уже порядком надоевшую тему.

Жан прищурился, заинтригованный:

– Какую же?

– Проблемы общества потребления со всеми его вытекающими, – я сделал паузу, подбирая слова. – Культура денег, культ вещей, безнравственность и бездуховность. Все

это уже стало общим местом, но они продолжают об этом писать. Иногда талантливо, иногда не очень.

Жан понимающе кивнул и уточнил:

– Ты имеешь в виду Перека, Ремакля и де Бовуара? Они как раз об этом.

– Да, и список этот можно продолжать до бесконечности, – кивнул Жан. – Веркор, Коронель... Все они разоблачители буржуазного общества и погони за выгодой. Каждый по-своему, но быют в одну точку.

Я задумчиво побарабанил пальцами по столу.

– Тема достижения целей человеком за счет унижения остальных, конечно, далеко не новая, – заметил я. – Бальзак, Флобер, Стендаль, Золя задолго до них описывали порочность всей системы в целом. Так что новые авторы, в общем-то, не открывают Америку.

Жан хотел что-то добавить, но я решительно прервал его:

– Ну, ладно, хватит тратить время на болтовню, – сказал я, решительно открывая учебник и настраиваясь на изучение очередного списка французских глаголов.

Оглядываясь назад, могу сказать одно: тот наш разговор не прошел бесследно. Из него я многое понял о Жане. Он, безусловно, не был поверхностным человеком – начитанный, острый на язык, с цепкой памятью. Но при этом в нем чувствовалась какая-то внутренняя статика, отсутствие стремления. От такого, как он, никогда не услышишь лишнего – он умел держать дистанцию. Мог часами разглаголь-

ствовать о высоких материях, но в конечном счете не придавал своим словам особого значения, словно это была всего лишь игра разума. Бесспорно, Жан многое знал и мог дать дельный совет, но сам вряд ли бы принял помощь от других. Слишком замкнут, слишком погружен в свой внутренний мир.

Глава 8

Наконец Камила сообщила, что готова вылететь из Лондона. Это случилось даже немного раньше, чем мы планировали, и я попросил Жана съехать поскорее – в его помощи я уже не нуждался. Он вполне мог продолжать приходить ко мне в контору в обеденный перерыв, если хотел. Жан понял все без лишних слов, собрал свои немногочисленные пожитки и исчез из моего жилища так же незаметно, как и появился.

Я очень обрадовался тому, что скоро увижу Камилу. За эти месяцы я успел соскучиться по-настоящему, до физической тоски. Мне не хватало ее присутствия, ее голоса, ее смеха. И теперь, когда разлука подходила к концу, я все чаще думал: оценит ли она квартиру, которую я для нас выбрал? Не покажется ли ей здесь тесно? Хотя мы планировали после свадьбы перебраться в жилье попросторнее, я все равно старался привести свое временное пристанище в идеальный порядок.

Признаюсь, иногда я вспоминал Джессику – девушку, которая открыла во мне что-то новое, заставила взглянуть на мир иначе. Я был благодарен ей за эту случайную встречу и в глубине души надеялся, что мы еще увидимся. Но время шло, и я все чаще понимал: возможно, она всего лишь одна из тех многих людей, которые однажды встречаются на на-

шем пути, чтобы исчезнуть навсегда. Я смирился с мыслью, что больше никогда ее не увижу, и вернулся к прежнему ритму жизни, решив двигаться дальше по намеченному пути.

Пока я был занят работой, мысль о предстоящей женитьбе не слишком меня тревожила. Сделав предложение Камиле, я искренне считал, что сделал удачный выбор. Но брак есть брак – таинство, которое может обернуться чем угодно. Многие мужчины не в состоянии решиться на этот шаг сразу, и это неудивительно. Я не был исключением, а потому не спешил обременять себя излишними заботами раньше времени. Мне хотелось, в первую очередь, состояться в карьере, встать на ноги, обрести уверенность в завтрашнем дне.

Как я уже говорил, дело неуклонно шло к моему повышению. Не буду скрывать: мне пришлось здорово для этого потрудиться, вложить немало сил и нервов. Начальник, узнав о скором приезде моей невесты, неожиданно решил пойти мне навстречу. Без особого энтузиазма, скорее деловито, он признал, что в конторе по достоинству оценили мои методы работы. В первое время зарплата выросла не намного, но, тем не менее, это была существенная прибавка – и хорошее подспорье перед семейной жизнью.

После работы мы с Виктором и Андре по-прежнему частенько посещали новые, еще не освоенные широкой публикой рестораны и клубы. Порой мне казалось, что в Париже я веду исключительно праздную жизнь. И вот в один из таких вечеров мы снова отправились на променад, чтобы обсудить

накопившиеся темы и просто приятно провести время.

– Жан подарил мне старенький, ненужный ему проигрыватель, – решил я поделиться новостью с коллегами, довольно потирая руки.

Андре лукаво прищурился и усмехнулся:

– Какой щедрый у тебя переводчик! Или вы уже успели сдружиться?

– Немного, – пожал я плечами, но улыбка выдала меня. – Я даже купил несколько пластинок и начал собирать коллекцию.

Андре удивленно поднял брови:

– Меня поражает, как вы оба быстро спелись. Значит, ты теперь всерьез увлекся французской музыкой?

Я задумался на мгновение и лишь потом ответил:

– Как ни странно, да. Английские песни перестали меня завораживать с тех пор, как я покинул родину. Видимо, Париж и вправду меняет людей.

– Ну и хорошо, значит, у тебя выработался вкус, – подшутил Виктор, подмигивая Андре. – Сейчас чего только не найдешь на прилавках. Нам очень повезло жить в такое время, когда почти все можно купить.

Я задумчиво покачал головой:

– Я не из тех, кто привык жаловаться. Но хочу заметить, что нынешние хозяева монополий и банков весьма заинтересованы в широком развитии потребительской лихорадки. Чем больше мы покупаем, тем богаче они становятся.

– Так выпьем же за научно-технический прогресс! – воодушевленно воскликнул Андре, протягивая бокал. Мы чокнулись, но Виктор, вместо того чтобы выпить, задумчиво посмотрел на вино в своем бокале.

– Не стоит забывать, что Франция оказалась в нелегком положении после войны, – произнес он озадаченно. – В области экономики ей пришлось догонять соперников по мировому рынку, предпринимая колоссальные усилия. Телевидение, журналы, газеты, кино – все стало полем для битвы за покупателя... И в этой битве не всегда побеждает качество...

– Я искренне возмущен оболваниванием общества, – перебил его Андре, нетерпеливо взмахнув рукой. – На самом деле так мало мыслящих людей, способных не вестись на эту гонку потребления. А как же интеллектуальный багаж? Неужели он теперь ничего не значит?

Виктор тяжело вздохнул, обвел взглядом зал и тихо произнес:

– Так много вопросов и так мало ответов. Как это ни печально, сейчас почти все живут по канонам потребления. И мы не исключение, – в его голосе послышалась горечь. – Мы тоже часть этой системы, хотим того или нет.

Я задумчиво почесал затылок, собираясь с мыслями.

– Как ни стараешься быть снисходительным и современным, все равно ловишь себя на мысли: это не жизнь, а сплошное испытание, – сказал я наконец. – К сожалению, страсть к транжирству незаметно, но верно убивает в нас живые

чувства и искренние отношения. Мы разучились радоваться просто так – теперь у всего должен быть ценник.

Мои слова повисли в воздухе. Каждый из нас задумался о своем.

Наш разговор, начавшийся с легкой, почти шутливой беседы, незаметно перерос в нечто серьезное – в размышления о времени, в котором мы живем. И действительно: в богатейшей стране, диктующей миру моду, большинство граждан носит безликую фабричную одежду. В государстве с живописной природой, очаровывающей миллионы туристов, половина населения никогда не видела дальше своего квартала. Стало очевидным: господствующая идеология потребления незаметно, но верно вытеснила не только веру и нравственность, но и саму духовную культуру. Мы променяли душу на комфорт – и, кажется, даже не заметили этой сделки.

Глава 9

В день прилета Камилы я отправился встречать ее вместе с Жаном. Он не возражал – ему давно хотелось познакомиться с настоящей англичанкой, и меня забавляло, что мой переводчик, не зная ее, считал эталоном женственности.

Увидев Камилу в толпе прибывших, я буквально обомлел. Она так изменилась! Короткая стрижка, изящный приталенный брючный костюм, шляпа с широкими полями – весь ее облик кричал о том, что она основательно подготовилась к новой жизни. Я даже не сразу нашелся, что сказать, – просто стоял и смотрел на нее, пытаясь справиться с нахлынувшим очарованием. Камила молча улыбалась, ловя мой восхищенный взгляд, и было очевидно: она довольна произведенным эффектом.

– Милый, ты так похудел! – обеспокоенно воскликнула Камила, заключая меня в объятия, и нежно поцеловала. – Тебя что, здесь совсем не кормят? Или местная еда слишком низкокалорийная?

Я рассмеялся, чувствуя, как напряжение последних месяцев отпускает, и решительно перевел разговор:

– Познакомься, это Жан! – сказал я, жестом приглашая его подойти ближе.

– Очень приятно, – сказалал Камила, галантно протягивая руку. – Камила!

Жан, не скрывая восхищения, слегка склонил голову:

– Вы само великолепие, мадемуазель. Истинное воплощение элегантности.

Она кокетливо улыбнулась, но ответила с достоинством:

– Ну, что вы! Я весьма польщена таким комплиментом. Сразу видно – настоящий француз.

Закончив с формальностями, мы отправили багаж с посыльным и решили сразу же прогуляться по городу.

– Ты не устала? – спросил я с надеждой в голосе, мечтая услышать отрицательный ответ.

Камила оживилась, расправила плечи и глубоко вдохнула:

– Нисколько! Местный воздух определенно придает мне бодрости. Я готова покорять Париж хоть сейчас.

– Отлично! – обрадовался я. – Тогда вперед, навстречу приключениям!

Мне не терпелось показать Камиле Париж таким, каким его видел я, – не туристическим, а живым, дышащим, настоящим. И первым делом мы, конечно, отправились к Эйфелевой башне. Сколько ни смотри на нее, каждый раз поражаешься: несмотря на гигантские размеры, она кажется легкой и изящной, парящей в воздухе, словно сотканной из миллиона кружев.

Жан, как истинный парижанин, тут же предложил подняться на смотровую площадку – чтобы увидеть город с высоты птичьего полета. Я и не подозревал, что оттуда открывается такой бесподобный вид. Мы поднимались все выше, и

Париж постепенно превращался в игрушечный: крыши домов, крошечные фигурки людей, ниточки дорог, спичечные коробки машин – все казалось настолько миниатюрным, что даже не верилось в их реальность. Город дышал под нами, раскинувшись до самого горизонта.

– Как же красиво! – выдохнула Камила, и в ее голосе слышался искренний восторг. Она крепко обняла меня, прижимаясь всем телом, словно боялась, что этот миг исчезнет. – Филипп, сегодня самый счастливый день в моей жизни. Я никогда не видела ничего прекраснее.

Жан стоял чуть поодаль, наблюдая за нами с теплой, но немного грустной улыбкой.

– Жаль, что я холостяк, – произнес он с неподдельной тоской. – Глядя на вас, даже мне, закоренелому скептику, хочется верить в любовь.

Я отстранился от Камилы, но продолжал держать ее за руку, и посмотрел на Жана:

– Ничего, дружище, ты еще найдешь свою половинку. Париж – город любви, здесь это случается со всеми. Главное – верить.

Тот грустно усмехнулся и пожал плечами:

– Надеюсь... – и добавил тише, скорее для себя: – В конце концов, даже у старого холостяка есть шанс.

Тот день стал одним из самых счастливых за последнее время. Камиле нравилось буквально все: и Париж, раскинувшийся у ног, и уютные улочки, по которым мы бродили, и

даже суэта местных кафе. Я сразу разглядел в ней тот самый запал, ту искру, которая дала мне понять: наша новая жизнь только начинается. В ее глазах я был не просто женихом, а первооткрывателем, проводником в мир, о котором она, кажется, всегда мечтала, но боялась признаться.

Жан тоже не скрывал восторга. Он заразился нашим настроением и, пребывая в невероятном душевном подъеме, пообещал свозить нас на море в середине лета.

Домой мы вернулись только под вечер, уставшие, но счастливые. К нашему удивлению, у нас хватило сил разобрать все восемь чемоданов Камилы. Вещи мгновенно заполнили каждый уголок квартиры, и стало совершенно очевидно: долго мы в такой тесноте не проживем, нужны апартаменты попросторнее.

К моей огромной радости, Камила оценила жилье, которое я для нас выбрал. Она нашла его уютным и милым. Но больше всего ее впечатлил вид с террасы. Мы вышли туда затемно, и она впервые увидела ночной Париж во всей его великолепной, мерцающей красе. Город лежал у наших ног, переливаясь огнями, и в этот момент я понял, что мы действительно дома.

Мне казалось, что я уже не могу обрадовать ее сильнее, но когда речь зашла о моем повышении, Камила буквально засветилась изнутри. Счастье плескалось в ее глазах, озаряло улыбку, делало ее еще прекраснее. Если бы в тот момент кто-то наблюдал за нами со стороны, он увидел бы двоих безум-

цев, влюбленных в жизнь.

Чувства, связывавшие нас так прочно, словно наделяли безграничными возможностями. Мы могли свернуть горы, переплыть океаны, завоевать этот город. Для нас это было началом большого романтического приключения, первой главой книги, которую мы писали вместе. Где бы мы ни были, мы упивались друг другом, каждой минутой, проведенной рядом. Каждая клеточка моего тела жаждала такой жизни – полной, яркой, настоящей, – и я не собирался лишать себя этого удовольствия.

В одну из жарких летних ночей, когда мы лежали в постели, утомленные зноем и друг другом, Камила застала меня врасплох. Она приподнялась на локте, посмотрела на меня в полумраке и спросила как бы невзначай:

– Ты уже решил, когда мы сыграем свадьбу?

Я замер, сделав вид, что не расслышал, уткнувшись лицом в подушку. Но Камилу не так легко было провести.

– Или ты передумал? – ее голос звучал с легкой хитринкой, но в нем чувствовалась и настороженность. Она села на кровати, опершись спиной о стену, и медленно закурила, глядя на меня исподлобья сквозь струйку дыма.

Надо сказать, что всякий раз, когда я пытался представить себе организацию свадьбы, меня охватывала легкая паника. Слишком много деталей, слишком много условностей, слишком много всего, что могло пойти не так.

– Я не могу больше ждать! – Камила резко вскочила с кро-

вати, подошла к столику и налила себе еще выпить. – Порой мне кажется, что для тебя брак, как таковой, совсем не имеет значения. Ты целыми днями думаешь только о работе. Я, конечно, это ценю, но ведь весь свет не сошелся клином на твоей конторе!

Она сделала большой глоток и продолжила, уже спокойнее, но в голосе звенела обида:

– Между прочим, Джон спрашивал меня о свадьбе перед отъездом. А Элизабет очень надеется стать подружкой невесты. Ты хочешь разочаровать их?

Я поморщился, услышав это имя.

– Твоя подруга – та еще показушница, – ответил я раздраженно. – Ты же знаешь, как я ее не люблю. И терпеть не могу ее фальшивый акцент. Если мы пригласим ее, придется звать всех знакомых. А она – самое большое трепло в Лондоне, разнесет новости быстрее телеграфа.

Камила всплеснула руками:

– Филипп, не сердись, но что в этом плохого? Мне кажется, ты слишком утрируешь. – Она сделала паузу, посмотрела на меня внимательно и спросила: – И вообще, ты уверен, что хочешь провести свадьбу в Париже?

– Да! Но думаю, нам лучше устроить скромное торжество в кругу близких, – ответил я, стараясь говорить спокойно, но чувствуя, что разговор уходит не в то русло.

Камила дернула плечом и с раздражением допила залпом остатки сухого мартини, даже не поморщившись.

– Я все это себе не так представляла, – процедила она.

– Порой я боюсь, что ты ждешь от меня невозможного, – устало произнес я и, не желая продолжать эту тему, демонстративно отвернулся к стене.

Но Камила не собиралась сдаваться. Она решила меня позлить – и выбрала для этого самое болезненное.

– Джон вполне мог бы на первых парах помочь нам финансово, – бросила она.

Я резко сел на кровати, чувствуя, как внутри закипает гнев.

– Черт возьми! – воскликнул я, поворачиваясь к ней. – Я ни одного пенса не возьму у твоего отца! Это сильно меня унизит в его глазах. Ты – другое дело, можешь продолжать вить из него веревки. Но после свадьбы я не позволю тебе просить у него что-либо. Ты меня поняла?

Камила промолчала, но ее лицо скривилось в недовольной гримасе. Я знал: за этой показной тишиной скрывается целый ураган негодования. Камила, несомненно, пыталась мной управлять – мягко, но настойчиво, как умела только она. Я все отчетливее это понимал. А ведь раньше мне казалось, что мои чувства к ней меня окрыляют, толкают на безумства, делают лучше.

В Париже все изменилось. Причин было много: работа, новые знакомства, другой ритм жизни. Но самой главной, как я ни пытался себе в этом признаться, была встреча с Джессикой. Она открыла во мне что-то, о чем я раньше не

подозревал, и это «что-то» никак не вписывалось в отношения с Камилой.

Несмотря на все разногласия, свадьбу мы решили назначить на конец июля. Больше откладывать не имело смысла – помолвка и без того затянулась, и любое промедление вызвало бы новые вопросы.

Воспитание, которое получила Камила, не оставляло нам шансов на скромное торжество. Для праздника она рассматривала только самые лучшие, самые дорогие заведения, даже не задумываясь о том, сколько это стоит. А я, сохраняя невозмутимое лицо, из кожи вон лез, чтобы она ни в чем себе не отказывала. Но внутри росло глухое раздражение – на нее, на себя, на обстоятельства.

Глава 10

Спустя неделю состоялось наше знакомство с сестрой Андре. Молодая родственница коллеги, на удивление, оказалась весьма элегантно и серьезной не по годам. В Анабель удивительным образом сочетались юношеская женственность и какая-то врожденная мудрость, которая редко встречается в столь юном возрасте.

Мы отправились в кино. На сеансе Камила и Анабель то и дело мило хихикали, перешептываясь и обмениваясь понимающими взглядами. Было очевидно: девушки нашли общий язык. Фильм, кстати, оказался довольно посредственным – какая-то мыльная опера про начинающую певицу, которая пыталась охмурить красивого и успешного богача. Я даже не запомнил названия, настолько он был проходным.

После кино мы заглянули в бар «О Chateau» – уютное местечко с приглушенным светом, низкими диванами и винными картами толщиной в добрую книгу. Здесь пахло деревом, табаком и обещанием хорошего вечера.

Камила вела себя на удивление уверенно – даже немного вызывающе, как мне показалось. Она то и дело поправляла волосы, звонко смеялась над шутками и явно старалась произвести на Анабель впечатление. Впрочем, сестра Андре, кажется, и не думала ее оценивать – она с интересом слушала, сама рассказывала какие-то истории, и вскоре девушки уже

болтали так оживленно, словно были знакомы сто лет.

– Знаешь, чего мне больше всего сейчас хочется? – Камила взяла меня под руку и прильнула к плечу, глядя снизу вверх с хитрой улыбкой.

– Чего? – насторожился я, предчувствуя какой-то очередной каприз.

– Провести хотя бы одну ночь в отеле «Le Bristol», – выпалила она. – Мы же можем себе это позволить? Говорят, там невероятные люксы с видом на сад. Может, заглянем туда сегодня?

Я присвистнул.

– Ну, ты пижонка! – усмехнулся я. – Я слышал, что там все очень дорого...

Желая поскорее увильнуть от этой скользкой темы, я обратился к Андре и предложил ему сходить к бару за новой порцией спиртного. Когда мы вернулись с бокалами, девушки оживленно беседовали.

– Анабель, скажи, – Камила с неподдельным интересом оглядела новую подругу с ног до головы, – как ты оцениваешь нынешнюю парижскую моду? Я вот только осваиваюсь, а ты, наверное, в курсе всех трендов?

По тому, как Камила смотрела на Анабель, было видно: она в полном восторге от ее наряда. Платье сидело на девушке так безупречно, что казалось второй кожей – ни складочки, ни лишнего изгиба.

– Я, наверное, лет с четырнадцати стала интересоваться

модой, – с легким вызовом ответила Анабель, поправляя идеально сидящий рукав. – Здесь ты не встретишь ни одной истинной парижанки, которая бы не смогла отличить Шанель от Кардена. Это у нас в крови.

Она отпила глоток вина и продолжила:

– Если хочешь, мы можем сходить на показ местных дизайнеров. Он состоится в начале осени. Мы с Жаклин там почти каждый сезон – это всегда интересно.

Глаза Камилы загорелись.

– С огромным удовольствием! – воскликнула она. – Мне кажется, сейчас модные дома Франции заправляют всеми – от мировых звезд до политиков. И знаешь, я считаю вполне нормальным потратить на хороший наряд приличную сумму. Мы же не первобытные люди, в конце концов, чтобы ходить в безвкусном тряпье.

– Согласна! – с уверенностью Наполеона, собирающегося в поход, произнесла Анабель, изящно отпивая дорогое шампанское. – Мы с тобой просто обязаны максимально облагородить все, что нас окружает. Красота спасет мир!

Она поставила бокал и с любопытством посмотрела на Камилу:

– А это правда, что в Англии все девушки одеваются очень консервативно? Я слышала, у вас там до сих пор носят твидовые юбки и закрытые туфли?

Камила рассмеялась, но в ее смехе слышалась легкая горечь.

– Если бы ты спросила меня об этом лет пять назад, я бы с уверенностью сказала: да, консервативно, скучно, уныло. Раньше, заглянув в гардероб почти каждой англичанки, можно было прийти в ужас. – Она сделала паузу, подбирая слова. – Но сейчас все меняется. Современные девушки стремятся выйти из тени прошлого, и я одна из тех, кто перешел на их сторону. Мое сознание наконец созрело для чего-то по-настоящему элегантного.

Камила вздохнула и добавила:

– Но, знаешь, порой меня очень огорчает отрешенность и беспомощность некоторых молодых девиц, которые встречаются на улицах города. Они словно не понимают, что одежда – это продолжение тебя.

– А вы подарите каждой из них по мини-юбке! – вдруг вклинился в разговор Андре, пытаясь разрядить обстановку своей неуклюжей шуткой. Он фамильярно хлопнул меня по плечу, ожидая, видимо, что я присоединюсь.

Анабель медленно перевела взгляд на брата и приподняла бровь с таким грозным видом, что тот поежился.

– Что ты в этом понимаешь? – ледяным тоном произнесла она. – Не так давно ты и сам одевался как бездомный. Если бы я вовремя не вмешалась, на тебя бы не посмотрела ни одна красотка.

Андре нервно заерзал на стуле, но сдаваться не собирался:

– Не спорю, внешний вид важен, – начал оправдываться он, – но еще не менее важно то, как ты себя позиционируешь!

Харизма, знаешь ли...

Анабель гордо подняла подбородок, одарила брата снисходительным взглядом и послала ему воздушный поцелуй. Это было то еще зрелище – королева и шут.

– Молодежь сейчас слишком быстро прогрессирует, – решил я осторожно вступить в дискуссию, чувствуя, что тема интересна всем. – Подростки обретают полную свободу слишком рано и превращаются в мощную, почти неуправляемую силу, диктующую свои правила повсюду – от музыки до моды.

Камила оживилась, в ее глазах загорелся знакомый огонек.

– Надо сказать, что нынешнее поколение как раз таки отдает себе отчет в том, что радикальное изменение стиля – это наиболее эффективный способ самовыражения, – промолвила уверенно она. – Наступило время перемен. Еще никогда прежде молодежь не проявляла такого яростного интереса к тому, кто во что одет. Вот увидите, мини-мода станет символом эмансипации и сексуальной революции.

Она гордо выпрямилась и добавила с улыбкой:

– И я – отличный тому пример! Раньше я только могла мечтать о брючном костюме. А теперь? У меня их семь!

– Я, кстати, видела в журнале «Vogue» потрясающую модель из твида, – Анабель демонстративно подмигнула Камиле. – Тебе бы очень пошло.

Она отпила шампанское и добавила как бы между про-

чим:

– А вы знали, что сейчас в моду входит синтетика? Да-да, те самые ткани, от которых раньше шарахались.

Я удивленно поднял брови:

– Синтетика? Наверное, очень дешевый материал... Неужели нельзя найти что-то подороже?

Камила тут же вскинулась, защищая новую знакомую:

– Неправда! – запротестовала она. – Это универсальный вариант! Синтетика практичная, удобная, яркая. – Она посмотрела на меня с легкой насмешкой. – Но тебе, по всей видимости, могут понравиться только белоснежные нейлоновые сорочки, строгие галстуки и кожаные ботинки. Консерватор ты наш.

– Ну, вот приехали, – вмешалась Анабель, видя, что зревает легкая перепалка. – Вы еще мне тут подеритесь! Давайте лучше выпьем за моду.

Но Камилу было не остановить.

– Сейчас моду пропагандируют правила идеального вкуса и минимализм, – продолжила Камила, сверкая глазами. – Это не просто одежда, это философия!

В воздухе повисла неловкая пауза. Каждый, кажется, задумался о ее словах – или просто сделал вид, что задумался. Анабель задумчиво крутила бокал в руках, Андре смотрел куда-то в потолок, а я воспользовался моментом, чтобы блеснуть эрудицией.

– Кстати, – начал я, нарушая тишину, – мини-юбка появи-

лась у нас на родине, в Англии... А вообще, если честно, никогда не понимал ажиотажа вокруг этого образа угловатого подростка.

Анабель искренне поразилась:

– Какие мы просвещенные! Филипп, вы меня удивляете.

Я самодовольно улыбнулся:

– Да, я не глуп в таких вопросах и хорошо подкован в теме моды. Моя любимая не дает мне расслабляться – приходится соответствовать.

Камила ласково посмотрела на меня и вдруг выдала с пафосом:

– Мода проходит, стиль остается, – процитировала она легендарную Коко Шанель и рассмеялась. – Ладно, Анабель, думаю, хватит болтать на женские темы, а то мальчики от нас сбегут. Расскажи лучше, где ты работаешь? Чем увлекаешься?

Я поддержал:

– И правда! А то Андре у нас великий скромник и почти ничего о тебе не рассказывал.

Анабель смущенно улыбнулась:

– Да что я! Не велика птица. Работаю в свадебном салоне...

– Невероятное везение! – всплеснула руками Камила. – Значит, ты мне поможешь с выбором платья?

Анабель улыбнулась:

– У вас скоро свадьба?

– Да, через месяц! – Камила заговорщически понизила голос. – И я совершенно не знаю, чего хочу. Что сейчас в моде? Подскажи, ты же профессионал.

Анабель оставила бокал и с видом знатока начала:

– По правде говоря, сейчас чаще всего пользуются спросом платья бежевого цвета. И даже нежно-голубого. У нас в салоне очень много таких моделей – длиной чуть ниже колена. Их расхватывают как горячие пирожки!

– Надо же! – Камила загорелась. – Нужно обязательно к вам зайти. – Она сделала паузу и лукаво посмотрела на новую подругу. – Ну ладно, хватит обо мне, расскажи лучше про свои увлечения.

Анабель смущенно пожала плечами:

– Не то чтобы я чем-то конкретно увлекалась... Но мое слабое место – разные выставки и ярмарки. Там можно найти столько всего интересного! Люблю бродить, смотреть, вдохновляться.

– Вот как? А ну-ка поподробнее! – Камила нетерпеливо подалась вперед.

Анабель с удовольствием продолжила:

– На ярмарках в основном продают отличные старинные сувениры, хорошие ткани, книги, пластинки, бижутерию. А на выставках в галереях можно иногда недорого приобрести картины начинающих художников. Я как-то купила чудесный пейзаж за смешные деньги – теперь висит в гостиной.

– Анабель, ты для меня настоящая находка! – Камила да-

же привсталла от восторга. – Ты просто обязана в следующий раз взять меня с собой.

– Не вопрос! – улыбнулась Анабель. – Только позвони, и мы договоримся.

Камила довольно откинулась на спинку стула, потом бросила выразительный взгляд в мою сторону:

– Ладно, любимый, по-моему, нам пора. – Она многозначительно подняла бровь, намекая на наше ночное приключение в «Le Bristol».

Я понял намек и не стал упираться. Мы распрощались с Андре и Анабель и вышли на теплую ночную улицу Парижа. Город дышал нам в спину – мерцающими огнями, запахом цветущих каштанов и далекой музыкой из закрытых кафе.

На полпути к отелю Камила вдруг остановилась, грациозно опустилась на скамейку и достала сигарету.

– Давай насладимся моментом, – сказала она, закуривая и устремляя взгляд в звездное небо, которое в тот миг казалось особенно глубоким.

Я сел рядом, чувствуя, что наконец-то мы одни.

– Ты устала? – спросил я осторожно.

Камила удивленно вскинула брови и отрицательно покачала головой, после чего медленно, с вызовом, осмотрела меня с ног до головы.

– Я? Да никогда! – В ее голосе зазвенели игривые нотки. – Я в предвкушении сегодняшней ночи.

Я усмехнулся, но в усмешке чувствовалось раздражение.

– Ты имеешь в виду меня или этот дурацкий отель?

Камила мгновенно сменила тон. Сигарета застыла в руке.

– Ну почему сразу дурацкий? – В ее голосе зазвенела обида. – Филипп, если не хочешь, мы никуда не пойдем. Так бы сразу и сказал. Не нужно мне делать одолжение!

Я вздохнул, понимая, что сморозил глупость.

– Просто я злюсь, что мы так рано сбежали. Мне кажется, вышло очень неудобно перед твоей новой подругой.

– А я думаю, что Андре с Анабель все прекрасно понимают, – мягко ответила Камила, туша сигарету. – Не переживай.

– Ну ладно, пойдем! – воскликнул я, понимая, что отстывать уже поздно.

Мы не спеша побрели по вечернему Парижу, стараясь впитать каждую деталь все еще непривычной для нас архитектуры. Город мерцал тысячами огней, отражающихся в лужах после недавнего дождя.

Когда мы вошли в отель, нам открыл дверь услужливый швейцар в ливрее. Холл поражал роскошью: пушистые ковры, в которых тонули ноги, невообразимые картины на стенах, старинные светильники, отбрасывающие мягкий свет, и точеные скульптуры по углам – настоящие произведения искусства. Пахло дорогим парфюмом и полированным деревом.

У стойки нас встретила молодая симпатичная девушка с безупречной улыбкой.

– Добрый вечер, – мелодично произнесла она. – Чем я могу вам помочь?

Камила, окинув взглядом холл, сухо поздоровалась:

– Здравствуйте, милочка. Нам, пожалуйста, номер на одну ночь. И что-нибудь поприличней.

– Могу предложить вам двухместные апартаменты с террасой и видом на Эйфелеву башню, – невозмутимо ответила девушка.

– Отлично, нам подходит, правда, Филипп? – Камила вопросительно посмотрела на меня.

Я усмехнулся, понимая, что сопротивляться бесполезно:

– Ну что ж, пожалуй, разок можно шикнуть!

Номер оказался более чем приличным – он был роскошным. Белоснежные накрахмаленные простыни, кровать таких огромных размеров, что на ней можно было заблудиться, хрустальные люстры, свисающие с резного потолка высотой в три метра, золоченые рамы на стенах и, конечно же, потрясающий вид из окна. Мы заказали шампанское – холодное, с игристыми пузырьками, – и та ночь стала одной из тех, что запоминаются навсегда.

Утром, выйдя на террасу, мы замерли: Париж открылся нам во всей своей утренней красе. Город, который мы полюбили с первого взгляда, тогда казался особенно прекрасным – в мягком свете восходящего солнца, с еще сонными улицами и первыми прохожими.

На балконе стоял небольшой столик, и мы решили позав-

тракать прямо там, вдыхая свежий воздух. Нам подали ароматный горячий кофе, свежие фрукты, тающие во рту круасаны. Я с наслаждением уплетал выпечку, любуясь видом, пока Камила, устроившись напротив, перелистывала газету. Иногда она поднимала глаза и улыбалась мне – и это было лучше всяких слов.

– Что пишут? – лениво спросил я, откусывая очередной кусок круассана.

Камила поморщилась, пробегая глазами по газетным строчкам:

– Да ничего нового. Сплетни, интриги, разоблачения. Сплошная тоска! – Она отложила газету и посмотрела на меня с неподдельным интересом. – Лучше скажи, как тебе номер?

Я решил немного подразнить ее:

– Номер? Ну, номер как номер... Обычный.

Камила прищурилась, но в глазах ее заплясали смешинки:

– Ах, так! Ну ладно. Значит, в следующий раз выберу отель подороже!

Я ухмыльнулся:

– Будет следующий раз?

Она гордо вскинула подбородок:

– А ты сомневался?!

Я с упоением слушал ее голос, звонкий и живой, и понимал, что в такое прекрасное утро не хочу ни о чем спорить. Пусть говорит что хочет.

– Нет, ну ты видел эти люстры из хрусталя? – не унималась Камила. – А фарфор! Картины, наверное, подлинники! Надо и нам прикупить парочку...

Я не дал ей договорить – крепко обнял и поцеловал, заставив замолчать самым приятным способом.

Остаток выходных мы провели дома, в нашей маленькой квартире. Нам не хотелось никого видеть, и мы были счастливы.

Глава 11

Через несколько дней мне нужно было ненадолго слетать в Лондон по делам. Камила должна была остаться в Париже, и я попросил Жана с Анабель за ней присмотреть.

Я был уверен, что за время моего отсутствия ничего серьезного не случится. Камила обещала не скучать, заняться домашними делами и пройтись по магазинам. Единственное, о чем я ее попросил, – не растратить все наши деньги к моему возвращению.

Прилетев в Англию, я решил первым делом повидаться со старыми друзьями. Мы не виделись целую вечность, и нам было что обсудить. Николас, мой друг детства, стал успешным бизнесменом. Он пригласил меня посмотреть свою фирму, которая занималась выпуском радиоаппаратуры.

Признаюсь, меня очень впечатлило такое масштабное производство. Мне даже пришла в голову мысль приобрести последнюю модель приемника и подарить ее Джону, отцу Камилы. Но Николас не взял с меня денег, сказав, что ни в чем не может мне отказать.

Затем я позвонил бывшему сокурснику Патрику, с которым жил в одной комнате в университетские времена. Он пригласил меня в театр на представление, где главную роль играла его невеста. Сюжет пьесы был очень захватывающим: она повествовала о послевоенном времени, дружбе двух сол-

дат и их неразделенной любви к одной и той же женщине.

После спектакля Патрик представил меня своей невесте. Ею оказалась Амбер Гаскони, о которой я много слышал еще когда жил в Лондоне. В тот момент я отметил про себя, что Камила мне бы позавидовала.

На этом мой уикенд так просто не закончился, так как Николас пригласил меня в гости, и мне было неудобно отказывать. Именно у него я впервые попробовал настоящий восточный кальян. Устав от кутежа, я остался у друга ночевать.

На следующий день в моих планах было навестить родителей. Хлоя и Джеффри были очень рады моему визиту. Я сообщил им о нашей с Камиллой свадьбе, от чего Хлоя пришла в заметное расстройство и сказала, что я слишком быстро повзрослел.

Я решил погостить у родных пару дней, пока не улажу все дела. Вечером, после ужина, к нам зашел мой брат Луиджи, и мы пропустили с ним в ближайшем баре по паре бокальчиков.

– Ну что, ты уже успел встретить интересных людей в Париже? – спросил он, потягивая виски и делая вид, что ему действительно очень любопытно. – Слышал, там сейчас целая колония наших собратьев-англичан осела.

– А кого ты вообще считаешь интересными людьми? – поинтересовался я, наблюдая, как он нервно крутит в пальцах сигарету.

– Иностранцев, конечно же! Актеров, художников, мил-

лионеров... Тех, кто живет не как все. У них должна быть биография, скандалы, тайны.

– То есть ты думаешь, они интереснее остальных? Просто потому что богаты или знамениты?

– Конечно! – фыркнул он. – Богачи и звезды всегда отличались от нас, обычных смертных. У них другие страсти, другие женщины, другие пороки. С ними хотя бы есть о чем поговорить.

– И чем же, скажи мне? – усмехнулся я, откидываясь на спинку стула. – Тем, как они тратят миллионы на яхты? Или тем, сколько раз они женились?

– Ну, хотя бы тем, что у них больше денег и больше возможностей, – пожал плечами Луиджи, отхлебывая виски.

– Братишка, ты как с другой планеты, – усмехнулся я, качая головой. – Честно говоря, я не заметил для себя каких-либо отличий. Возможно, мы с тобой слишком по-разному смотрим на мир.

– Возможно! – он поднял бокал, разглядывая янтарную жидкость на свет. – Ну, ладно, черт с ними, с миллионерами. Ты лучше скажи: как там Камила? Уже освоилась в Париже?

– Еще бы! Она как ураган, – я невольно улыбнулся. – Всегда поражаюсь ее энергичности. За день успевает столько, сколько я за неделю.

– Обожаю ее! – Луиджи широко улыбнулся и протянул свой бокал. – За Камилу!

Мы чокнулись, и он вдруг хитро прищурился:

– Знаешь, всегда удивлялся, как тебе удалось заполучить такую девицу. Да еще и с деньгами ее отца... Теперь далеко пойдешь, брат.

– Ты это серьезно? – я даже поперхнулся. – Ты меня поражаешь! Меня его деньги никогда не интересовали.

– И зря, – Луиджи откинулся на спинку стула и посмотрел на меня с почти отеческой снисходительностью. – Все наследство когда-нибудь достанется Камиле. Не будь дураком.

Я промолчал, но взглядом дал понять Луиджи, что он не прав. Он тут же отвел глаза и постучал пальцами по столу – верный признак того, что понял оплошность.

– Ты уже ел улиток или лягушачьи лапки? – решил сменить он тему, признавая, что зашел слишком далеко. – На что они похожи? На рыбу или мясо?

– Скорее на курицу, – пожал я плечами. – Но очень диетическую. И с чесночным соусом.

– То есть ты не советуешь? – Луиджи скривился, представив блюдо.

– Ну, если только ты гурман, – усмехнулся я. – Или хочешь похвастаться перед друзьями, что ел лягушек.

– Да вряд ли! – рассмеялся он, отмахиваясь. – А что со свадьбой? Вы же меня пригласите?

– Если будешь паинькой, – поддразнил я брата.

– И во сколько тебе обойдется все это удовольствие? – Луиджи подался вперед, в его глазах загорелся любопытный

огонек.

– Тебе лучше не знать... – я покачал головой и допил виски, давая понять, что тема закрыта.

Мы еще долго сидели в баре, вспоминая детство, первую любовь и отцовские подзатыльники. Домой вернулись уже затемно, вернее, когда почти рассвело и первые птицы начали свои утренние переклички.

Перед отъездом в Париж я решил зайти к Джону – отдать ему приемник и заодно узнать, как дела. Но то, что я увидел, заставило меня замереть на пороге. Отец Камилы выглядел крайне неважно: осунувшийся, небритый, в мятном халате, хотя часы показывали далеко за полдень.

– Что случилось? – спросил я, ставя коробку на тумбочку.

Джон тяжело опустился в кресло и некоторое время молчал, глядя в одну точку. Потом вдруг подался вперед и схватил меня за руку – крепко, почти до боли.

– Ты понимаешь, – голос его дрогнул. – Эта женщина меня с ума сведет.

– Все так серьезно? – я присел на подлокотник дивана, не зная, чего ожидать.

– Я думал, что да. – Он горько усмехнулся. – Пока не узнал, что она была замужем. И у нее есть ребенок. Она мне врала, понимаешь? Врала с самого начала!

Я молчал, давая ему выговориться. Джон отпустил мою руку и откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза.

– Камила знает об этом? – спросил я тихо.

– Нет. И не говори ей ничего. – Джон покачал головой и сжал переносицу пальцами. – Не хочу ее расстраивать перед свадьбой. Она и прежде категорически не принимала любые мои отношения. А узнав такое, точно начнет презирать.

– Не буду ничего обещать, но попробую, – пробормотал я, чувствуя, как под его взглядом становится неуютно. – Вы же знаете свою дочь. От нее сложно что-то утаить.

– Все в твоих силах, сынок. – Он впервые назвал меня так, и от этого слова стало одновременно тепло и тревожно. – Это первая женщина, на которой я действительно хотел жениться. И что теперь! – Джон развел руками, и они бессильно упали на подлокотники кресла. – Я даже не могу ей в глаза посмотреть.

– Для женщин все эти штучки только на руку. Тем более для молоденьких. – Я старался говорить мягко, но в голосе против воли проскользнула горечь. – Сначала очаровывают, а потом умывают руки.

– Провалиться мне на этом месте, если я еще раз решу вовлечь себя в подобные неприятности, – выдохнул Джон, и в его голосе послышалась такая усталость, что мне захотелось немедленно уйти, чтобы не видеть этого сломленного человека.

– Не вините себя... – начал я, но он только отмахнулся.

– Пообещай мне, что Камила не будет ни в чем нуждаться, – Джон смотрел на меня с такой мольбой в глазах, что у меня сжалось сердце.

– Обещаю, сэр. – Я положил руку на сердце. – За это вы уж точно можете не переживать.

Я поддержал его, как мог: похлопал по плечу, сказал, что все наладится, и напомнил, что жду его на свадьбе. Джону заметно полегчало – плечи расправились, взгляд прояснился. Уезжая, я дал себе слово ничего не рассказывать Камиле о душевном состоянии ее отца. Ей незачем знать, как сильно он переживает.

Вылетев из Англии, я пребывал в приподнятом настроении. Небо было ясным, и весь полет я думал о Камиле, о нашей скорой свадьбе, о том, как мы будем счастливы. Но, к великому разочарованию, в Париже меня ждал неприятный сюрприз.

Переступив порог квартиры, я замер. Сначала подумал, что Камила позвала гостей и закатила вечеринку: музыкальный проигрыватель еще тихо шипел, в воздухе витал запах духов и табака. Но затем я заметил спящего на диване Жана. Он раскинулся в неудобной позе, приоткрыв рот, а на столе громоздились пустые бутылки из-под вина и закуска, к которой никто не притронулся. Меня захлестнули ревность и злость.

Свою невесту я обнаружил в спальне. Камила сидела на кровати, прижимая подушку к груди, и виновато смотрела на меня. Щеки ее горели, волосы растрепались, а в глазах плескалась такая смесь страха и сожаления, что я едва сдержался, чтобы не накричать на нее.

Жана я выставил за дверь мгновенно, не дав и рта раскрыть. Решил: пусть проспится и потом объясняется, если захочет. Дверь захлопнулась с таким грохотом, что, кажется, посыпалась штукатурка.

– Как ты могла спеться с этим паяцем? – Я метался по комнате, не в силах совладать с собой. – Ты только подумай о своей репутации!

От чувства безысходности я начал хватать все, что попало под руку, и швырять на пол. Подушка полетела в стену, за ней – журнал, пепельница. Камила забилась в угол и, по правде говоря, выглядела совершенно беспомощной: сжалась в комок, обхватила колени руками и смотрела на меня затравленным взглядом. Мне даже стало ее жалко, но ярость еще кипела внутри.

– Мне с самого начала было ясно, что этот подлец на тебя запал! – выкрикнул я, останавливаясь напротив нее.

Немного успокоившись, я сел рядом на пол, прислонившись спиной к стене, и закурил. Руки дрожали, и сигарета прыгала в пальцах.

– У вас что-то было? – спросил я, не глядя на нее. Голос прозвучал глухо, почти безразлично, хотя внутри все клоко-тало.

– Жан ни в чем не виноват, – всхлипнула она, вытирая слезы тыльной стороной ладони. – Я сама его пригласила. Мне было грустно... Анабель была занята, а я больше никого здесь не знаю. Я не думала, что мы так наберемся и ты поду-

маешь что-то не то.

– Ну да, конечно, она не думала! – я рассмеялся, но смех вышел злым, надрывным. – Ты вообще редко в последнее время о чем-либо думаешь!

Я чувствовал, как внутри разрастается огромное разочарование – липкое, тяжелое, заполняющее каждую клетку.

– Ты только погляди на них – сладкая парочка, – я кивнул в сторону двери, за которой только что скрылся Жан. – Смешно! Просто смешно!

– Прости, прости... – шептала она, протягивая ко мне руки.

Но я словно пьяный ничего не хотел слышать. Ее голос долетал до меня сквозь ватную стену, не задевая сознания. Я никогда раньше не видел Камилу такой неуверенной в себе. Она вся сжалась, плечи опустились, взгляд метался по полу – самолюбие ее было поколеблено, и это читалось в каждой черточке. Но в тот момент меня это нисколько не радовало. Наоборот – становилось только хуже. Я словно стал любить ее меньше. И верить ей я тоже больше не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.